

Шесть дней бушевал шторм. Шесть дней огромный серо-желтый транспорт, тяжело переваливаясь, лез на водяные холмы, проваливался в водяные пропасти, проползал через водяные стены. Шесть дней волны с гулом и ревом били в скошенные железные скулы корабля.

В небольшом салоне у стола, зарывшись в глубокое кресло, задыхался и слабо охал тучный человек в шелковой полосатой пижаме. Время от времени он проводил пухлой ладонью по влажной от холодного пота лысине, доставал из кармана коробочку и, взяв оттуда белую таблетку, с гримасой клал ее в рот. Другой, высокий, подтянутый и чисто выбритый, блестя многочисленными пуговицами и нашивками, слегка косолапя, ходил из угла в угол.

— Не принимайте это так близко к сердцу, мистер Болл, — сказал он, останавливаясь у иллюминатора и сясь рассмотреть что-нибудь через потоки воды, стекающие по стеклу. — Больше ешьте, больше двигайтесь, старайтесь не думать о качке, и все пройдет.

— Ешьте, двигайтесь, — простонал толстяк, — подумать страшно... Как это у вас язык поворачивается, капитан? О господи!

Корабль плавно повалился набок. Капитан с усмешкой взглянул на позеленевшее лицо собеседника.

— Что это за пилюли? — спросил он.

— Аэрон, — с трудом отозвался тот, — ф-фу, дьявольщина. Не понимаю, почему они не действуют. В Штатах мне говорили, что это лучшее патентованное средство от морской болезни.

— Пилюли и микстуры — ерунда. — Корабль снова дал резкий крен, и капитан торопливо опустился на диван. — Хороший стакан рома или виски и часовая прогулка по мостику, вот что вам нужно, сэр.

Болл брезгливо отмахнулся и полез в карман за аэроном.

— Где мы находимся?

— Примерно на траверзе острова Морелл. Утром пересекли линию смены чисел.

— Оставьте ваши морские термины и скажите по-человечески, сколько мне еще осталось мучиться?

— Дня три, если шторм не утихнет. Впрочем, заметьте, мистер Болл, если шторм не утихнет, мы все равно не сможем войти в лагуну и будем дрейфовать, пока не наступит затишье. Так что лучше всего вам будет следовать моим советам: ром и прогулка...

— Ну вас к черту! — плачущим голосом закричал Болл. — Идите вы с вашими советами, знаете куда... Есть какая-нибудь надежда на то, что эта болтанка прекратится?

Капитан поднялся и снова заходил по салону.

— Видите ли, сэр, надежда, конечно, есть. Но в это время года Тихий океан всегда неспокоен. Это мой пятнадцатый рейс на Маршаллы, и всегда в ноябре здесь штормы. Причем вам, можно сказать, повезло. Настоящий моряк никогда не называет такую качку штормом.

— Тоже мне... Тихий океан называется... О господи, господи! Пятнадцатый рейс! Убей меня бог, если я когда-либо соглашусь повторить эту поездку! Пятнадцатый... И каждый раз с грузом такой же рабочей скотины, какую везу я?

— Да. Вез туда людей или отвозил домой. Так как насчет рома, мистер Болл?

Толстяк решительно махнул рукой:

— Давайте, черт с вами.

Капитан нажал кнопку звонка, и через несколько минут стюард поставил в специальное гнездо на столе черную бутылку и тарелки с закусками. Болл с отвращением следил, как капитан ловко выбил пробку и наполнил стаканы.

— Выпьем за этих несчастных, мистер Болл. Им сейчас очень плохо. Твиндек не салон. Он много хуже.

Болл закрыл глаза и, давась и икая, влил в себя обжигающую жидкость.

Капитан был прав. В твиндеке было гораздо хуже, чем в салоне. Слабые желтые лампочки тускло озаряли полуголых, лоснящихся от пота людей, вповалку лежащих на сплошных нарах. Смесь дыма от сотен дешевых сигарет и испарений сотен человеческих тел делали и без того душный воздух невыносимым. У узкой двери, ведущей в душевую, куда непрерывно подавалась забортная вода, раскачивались желающие освежиться. В дальнем углу люди тесным кольцом окружили большие железные бочки. В проходах, прямо на полу или на чемоданах, азартно хлопали разбухшими засаленными картами. Ругань, смех, стоны смешивались в сплошной гул.

В одном из отсеков вспыхнула ссора. Жилыстый рыжеволосый парень, длинноногий и длиннорукий, вцепился в маленького темнокожего мексиканца и тряс его, стараясь повалить на спину. Тот упирался и судорожно шарил рукой у пояса, ища рукоятку ножа. Стараясь попасть в такт качке, оба изгибались и приседали на корточки, топчась по разбросанным картам.

— Проклятый гринго... подлый негодяй...

— Заткни плотку, мексиканская крыса, а не то...

— Ты мне ответишь за это, вор!

Их соседи расступились, освобождая место для драки. Кто-то хлопотливо расталкивал их еще дальше, деловито повторяя, что «все должно быть по правилам». Через толпу в первые ряды пробирались, засунув правые руки в карманы, друзья мексиканца. Белые тоже стали оглядываться и перемигиваться, готовые ввязаться в драку. Между тем противники продолжали крутиться на месте, и вдруг рыжеволосый резким движением отбросил от себя мексиканца и стал торопливо расстегивать широкий кожаный пояс. Мексиканец вытащил нож. Они стояли в пяти шагах друг от друга.

— Погодите, парни! — раздался низкий бас. Бесцеремонно растолкав зрителей, в круг вступил здоровенный негр.

— Что здесь случилось, а?

— Не мешай им, — проворчал тот, кто хлопотал о порядке. Негр даже не оглянулся.

— Я думаю, вы сошли с ума от духоты, парни, вот что я думаю.

— Какое тебе дело, ниггер? — угрюмо сказал рыжеволосый.

— Мое имя Майк, вот как меня зовут, — толстые губы негра слегка раздвинулись, показав белую полоску зубов. — И я не называл тебя «гринго», парень. Этого я не сделал. Я уважаю всех людей, вот что.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы вы не дрались, парни, — он повернулся к мексиканцу. — Спрячь нож, мальчик. А ты, — Майк взял рыжеволосого за руку, — надень снова свой пояс, а то у тебя спадут штаны, вот ей-богу, спадут!

— Какого дьявола ниггер вмешивается? — крикнул кто-то. — Дайте черномазому по морде!

Это предложение не встретило сочувствия у тех, кто стоял в первых рядах и имел возможность хорошо рассмотреть исполинские шары бицепсов, мягко перекатывавшихся под черной влажной кожей. Напряжение спало. Мексиканец сунул нож за пояс и скрылся в толпе. Рыжеволосый подтянул брюки и полез на нары.

— А почему все-таки вы подрались? — с любопытством спросил негр Майк.

— Проклятый «чако» сказал, что я плутую.

— Так ведь ты не плутовал, парень, верно?

— Конечно, нет. Потому и разозлился.

— Зря ты не дал ему как следует, Дик, — заметил толстый, потный человек в грязных холщовых штанах. — И ты зря вмешался, негр. Мексиканцев надо учить.

— Я думаю, всех нас надо учить, вот как я думаю.

— Ну, нас учить нечему, — усмехнулся рыжеволосый Дик, — мы и без того ученые, верно, Чарли?

— Уж во всяком случае, учить нас будет не негр, — презрительно сказал толстяк, доставая из кармана мятую пачку сигарет.

Улыбка сползла с лица Майка.

— Ты, значит, парень, считаешь, что негр или там мексиканский парень хуже тебя, так ты считаешь?

— Конечно, — Чарли с открытой насмешкой взглянул негру в глаза. — Всякий скажет, что самый плохой белый лучше самого хорошего негра.

— Это ты брось, — нахмурился Дик, — совсем не в том дело, кто лучше и кто хуже. Просто...

— Что «просто»?

— У нас, у белых, своя дорога, а у негров и всяких других цветных — своя.

Майк снова широко улыбнулся:

— Это неверно, парень. И если ты так думаешь, скажи, пожалуйста, почему же мы — белые, негры, мексиканцы, китайцы, все, кто здесь есть, — едем по одной дороге, в одном и том же свинарнике?

— Знаешь, иди ты к черту, — сердито начал Чарли. Но тут он побледнел, схватился за горло и, шатаясь, бросился в угол к железным бочкам.

— Этот парень очень болеет, верно? — сочувственно сказал Майк.

Дик молча кивнул. Разговаривать с негром в дружеском тоне он считал не совсем приличным, но громадный, веселый Майк ему нравился. Кроме того, Дик всегда уважал физически сильных людей.

— Ты не знаешь, куда нас везут? — спросил он после минутного колебания.

— Не знаю, парень, — Майк оглянулся по сторонам и добавил, понизив голос: — И не советую тебе спрашивать.

— Почему?

— Видишь, если бы дело было чистое, открытое, как говорят, нам бы, конечно, сказали, вот как. А раз не говорят...

Тут вернулся, вытирая ладонью рот, Чарли, и негр замолчал.

— Пойду посплю, парни. Всего хорошего.

— Валияй, — буркнул Чарли. Он уселся на нары рядом с Диком и тяжело вздохнул.

— Скверно мне, Дик. Душно здесь, сил нет никаких. Может, сходим на палубу?

— А не прогонят?

— Я думаю, нет. Все они, вероятно, попрятались, и эта скотина боцман тоже. Пойдем?

Дик решительно поднялся и направился к трапу, ведущему на палубу. Чарли, держась за горло и широко разевая рот, поплелся за ним.

Они познакомились месяц назад дождливым октябрьским утром у входа в контору по найму рабочей силы. Им посчастливилось первыми занять эту выгодную позицию, и огромная масса безработных, моментально заполнившая улицу, на которой находилась контора, придавила их к запертым еще дверям. Дик и Чарли стояли, тесно прижатые друг к другу, уткнувшись носами в объятие, гласившее, что фирма «Холмс и Харвер» производит набор рабочих для строительных работ за пределами Штатов на неопределенный срок. Оплата повышенная, от двадцати до двадцати пяти долларов в день. Рабочий должен быть знаком с цементным и бетонным делом.

Двадцать пять долларов в день — деньги немалые, поэтому со стороны могло показаться, что все поголовно безработные Фриско превосходно знают цементное и бетонное дело и горят желанием покинуть родину на неопределенный срок. Впрочем, объявление оговаривало количество необходимых рабочих числом 550, тогда как желающих уже к шести утра оказалось не меньше тысячи. Дик и Чарли были совершенно уверены в успехе и со снисходительной жалостью счастливицков думали о тех, кто спешил сейчас сюда со всех концов громадного города. Они по-братски раскурили последнюю сигарету, оставшуюся у Дика, и съели сэндвич, приготовленный женой Чарли.

— Я уже третий месяц без работы, — рассказывал Чарли.

— Я только несколько недель, — виновато отозвался Дик. — Но все равно, у меня на шее трое, надо же их кормить, не правда ли?

Чарльз и те, кто был рядом, великодушно приняли оправдание. И в этот момент дверь толкнули изнутри. Крича и ругаясь, Дик и Чарли потеснили товарищей и выпустили из конторы толстого человека в роговых очках.

— Тише! Тише! — пронеслось по толпе. Все смолкли.

— Вот что, ребята, — сказал толстяк. — Сейчас будем начинать. Не теснитесь и не спешите. Заходить по десять человек. Мы будем говорить с каждым в отдельности и наводить необходимые справки. Тех, кто нам подойдет, запишем, выдадим аванс в сто долларов и отпустим до завтрашнего дня. Завтра все принятые, как один, должны явиться в порт к десяти утра. Поняли?

— Поняли! — закричали все.

Кто-то спросил: — Куда ехать?

Толстяк ничего не ответил и, неопределенно махнув рукой, скрылся в конторе. Сейчас же в толпу врезались несколько дюжин полицейских.

Ловко орудуя кулаками, дубинками и коленями, они установили какое-то подобие очереди. Огромный хвост из сотен людей вытянулся вдоль фасада и завернулся за угол квартала. Дверь снова открылась, у порога встал полицейский сержант и сказал:

— Валяй первые десять. Два, три, пять... Не напирай, рыло... Восемь, десять... Все! Осади назад, говорят тебе!

Дверь захлопнулась. Но что за дело было до этого Дик и Чарли! Они вошли первыми и первыми же, взволнованные и растерянные, очутились у стола очкастого толстяка.

— Фамилия? Имя? Возраст? Где работал? Какая специальность? Почему уволен? Ах, закончилось строительство... Член профсоюза? Нет? Проверьте, Джексон... Коммунист?

Дик в ужасе всплеснул руками. Чарли за его спиной искательно улыбнулся, думая, что хозяин шутит. Но хозяин не шутил.

— Имей в виду, парень, мы все равно узнаем, красный ты или нет. И лучше, если ты скажешь это здесь. Так не красный? Ну, ладно. Пройди в ту комнату. Следующий! Фамилия?..

Когда Дик и Чарли снова очутились на улице, потные, счастливые, сжимая в ладонях пачки долларовых бумажек, их сразу же окружила толпа. Посыпались вопросы. И тут выяснилось, что ни тот, ни другой не спросили, куда и на какой срок они едут. Им это было безразлично.

— Эй, ребята!

К ним протолкался еще один из первого десятка.

— Вы в профсоюзе?

— Нет.

— А я в профсоюзе, и меня не приняли. Меня и еще одного парня...

Он поднял руку и крикнул:

— Товарищи! Они не берут членов профсоюза! Это темное дело! И не говорят, куда ехать и что за работа!

Толпа зашумела. Дик и Чарли, опасливо поглядывая на крикуна, стали проталкиваться в сторону. Навстречу им, расшвыривая стоявших на пути, спешили полицейские.

— Фу! — сказал Чарли, снимая шляпу и вытирая лоб. — Слава богу, работа есть.

— А что за работа, мне, ей-богу, наплевать, — возбужденно хихикая, отозвался Дик. — Хоть в аду грешников жарить. Платили бы только денежки. Ну, пойдем, впрыснем это дело.

Через несколько дней, утомленные тяжелой работой в порту, они лежали на нарах в трюме громадного парохода. Потом... вода из опреснителей, твердые как камень галеты, сверхъестественная ругань боцмана, духота, раскаленная солнцем железная палуба. Так было до Гонолулу. Сразу после Гонолулу начался шторм...

В ТЕНИ СТАЛЬНОЙ БАШНИ

Два с половиной месяца прошло с того дня, когда они вместе с другими пассажирами твиндека впервые ступили еще дрожащими, не отвыкшими от качки ногами на эту странную землю. Многих шатало, как пьяных, некоторые тут же садились или ложились, но все с изумлением и

недоверием оглядывались вокруг. Такого зрелища еще не видел никто из них, даже те, кого судьба в свое время забрасывала в самые отдаленные уголки света. Унылая бугристая песчаная полоса, изогнутая подобно обломку гигантского серпа, невысоко поднималась над белой от пены по-

верхностью океана. Вдоль берега громоздились груды гладких и ноздреватых серых глыб, кое-где прямо из песка торчали пни пальмовых деревьев. На дальнем конце острова виднелось несколько длинных низких строений, окруженных колючей проволокой. Это было все.

Но вот появился Болл, и все повернулись к нему. Толстяк с трудом вскарабкался на пустой ящик и произнес короткую речь, смысл которой сводился к тому, что наконец-то утомительное плавание осталось позади и они прибыли к месту работы, что он, Болл, понимает, как они устали, ибо он, Болл, чувствует это по себе. Но тем не менее... Дальше последовало перечисление всего того, что нужно было сделать еще сегодня до темноты, а затем и завтра и послезавтра. Рабочих разбили на несколько бригад во главе с десятниками, выдали галеты и консервы и погнали на разгрузку транспорта.

Поздно вечером, когда измученные Дик и Чарли сидели на обломках коралловых глыб и вяло ковыряли ножами в консервных жестянках, к ним подошел негр Майк.

— Здравствуйте, парни, — возбужденно прошептал он, хотя только пару часов назад они вместе перетаскивали с катеров на берег бесконечные ящики с деталями машин. — В странное место мы приехали, ей-богу, очень странное. Здесь раньше кто-то жил.

— Кто жил? — спросил Чарли.

— Откуда я знаю? Я их не видел, нет. Но после них остались могилы и обгорелые столбы...

— Какие столбы? Что ты порешь, негр? — невольно понизив голос, проговорил Чарли, а у Дика при упоминании о могилах поползли по спине мурашки.

— Столбы от их домов. Их сожгли... сожгли их дома, а их самих увезли, так я думаю. И еще... мы нашли мертвеца, верно, нашли. Там...

В красноватом свете молодого месяца мелькнула на секунду черная рука Майка.

— Старый черный человек. Три пули — сюда, сюда и сюда, — Майк ткнул себя в грудь, в живот и в голову. — Его чуть-чуть присыпали песком и гравием, а ветер и волны размыли песок, и его ноги высунулись наружу.

— Заткнись, — прошипел Чарли, — с такими разговорами, да еще к ночи... Врешь ты все, негр.

— Нет, я не вру. Я думаю, эти люди не хотели уезжать отсюда, их выгнали, а кто сопротивлялся — тех застрелили. А дома их сожгли, вот что я думаю. Интересно, зачем это, а?

Чарли размахнулся и бросил пустую жестянку в море. Блеснули голубоватые брызги.

— Вот что, негр. Помнишь, ты сам говорил Дикю на транспорте, что не следует проявлять излишнего любопытства? погоди... Так вот что я тебе скажу. Мы, наверное, увидим здесь немало диковинок, и немало вопросов будет вертеться у нас на языке, у всех, кто здесь есть на этом вот пустом острове. И часто, наверное, будет смерть как любопытно подсмотреть, подслушать и поболтать обо всем, что видел и слышал. Но ни я, ни он, — тут Чарли положил руку на плечо Дика, — мы ничего подобного не будем делать, хоть бы мы лопались от любопытства. И ни о каких таких делах разговаривать мы не будем ни с тобой, ни с кем другим, заруби это себе на носу.

— Ладно, парни, — после минутного молчания проговорил Майк. — Я понимаю вас и не собираюсь обижаться, нет, не собираюсь. Но помните и такую вещь: как бы вашими руками не сделали чего-либо плохого. Спокойной ночи, парни.

Было слышно, как зашуршали по песку его удаляющиеся шаги.

— Помнишь того в Штатах, которого не приняли на работу? — сказал Дик тихо.

— Нет, не помню и тебе не советую. Давай спать.

Но прошло довольно много времени, прежде чем они заснули.

Через несколько дней разгрузка была закончена, и Болл приказал приступать к основным работам. Загрохотали десятки камнедробилок, в воздухе плотным облаком повисла цементная пыль, рев и звон механизмов заглушили человеческие голоса. Первые же порции бетона пошли на строительство взлетно-посадочной полосы, и как только она была готова, на острове приземлился реактивный самолет. После обеда рабочих собрали перед двумя палатками, в которых размещалась администрация. Из палатки вышел Болл в сопровождении высокого военного.

— Ребята, — объявил Болл, — это полковник Смайерс из военного ведомства, чей заказ мы выполняем.

СУНГАРИЙСКИЕ БОЛОТА

*Ты вниз поглядел из окна самолета —
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдали.*

*Там чахлые травы шептались и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, должно быть, с лягушкой в зобу.*

*Зеленые, желтые, рыжие пятна —
Все те же разводья, болота, кусты.
Наверно, и богу глядеть неприятно
На эти места с голубой высоты.*

*Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже лететь никому неохота, —
А как же пехота все это прошла?*

*Петр КОМАРОВ,
1945*

Вздых удивления пронесся над толпой.

— Разве заказ военный? — крикнул кто-то, и Чарли и Дик вздрогнули, узнав голос негра Майка.

— Не все ли вам равно, военный заказ или гражданский? — Болл сунул руки в карманы и поднялся на цыпочки. — Ваше дело — хорошо работать, получить свои денежки и ехать домой. Ведь так?

Никто не возражал.

— Так вот, полковник Смайерс будет следить за ходом работ в качестве представителя заказчика, и все мы будем подчиняться ему, следовать его указаниям и распоряжениям.

— Что мы здесь будем строить? — спросил Майк, проталкиваясь в первые ряды.

Болл переглянулся со Смайерсом. Смайерс поджал губы, надвинул на глаза фуражку и громким резким голосом сказал:

— По поведению этого черного парня я вижу, что ваши люди не совсем хорошо понимают положение. Прошу внимания, ребята! Первое, что вам следует запомнить, и крепко запомнить притом, это следующее: хоть вы и вполне штатские, но заказ выполняете военный. Поэтому мы не терпим здесь никаких таких... — он пощелкал пальцами, не нашел нужного слова и махнул рукой в сторону Майка, — мы примем меры к тому, чтобы подобные демонстрации не повторялись. На этом острове будет царить добрая военная дисциплина. Никаких лишних вопросов, никаких сомнений. Никаких разговоров в укромных местечках. Беспрекословное повиновение и готовность выполнить любое приказание. Второе: работа строго секретная и должна храниться в тайне. Никаких отпусков, никаких писем домой. О состоянии вашего здоровья ваши родные могут узнавать в конторе «Холмс и Харвер», где вас нанимали. Всякое нарушение будет беспощадно караться. Все. Теперь — за работу.

Ошеломленная толпа медленно разошлась.

— А что я говорил! — не обращая ни к кому, сказал Майк.

Потянулись дни, насыщенные жутким духом тайны и какой-то обреченности. Людей будили в шесть часов утра, затем был часовой перерыв на обед, и работа продолжалась до полной темноты. Кормили сытно, но однообразно и невкусно. Выходных дней не было, только по субботам отдых

объявлялся на три часа раньше, и каждому выдавали по бутылке скверного виски. Субботние вечера показались бы постороннему сущим адом. Всевозможные обиды, действительные и мнимые, накопленные за всю неделю и потонувшие было в отупляющей усталости, всплывали тогда наружу и выливались в ожесточенные драки. Кто-то невидимый умело и без промаха направлял эти взрывы пьяной энергии в русло национальной розни. Мексиканцы бились с американцами, негры с мексиканцами и китайцами, все — друг с другом. Между дерущимися, покрикивая для порядка, но ни во что не вмешиваясь (разве только, если дело доходило до убийства), расхаживали патрули с буквами «MP»* на пробковых шлемах. К концу первого месяца вдруг выяснилось, что регулярно и самым страшным образом оказываются избитыми те немногие, кто имел какие-либо столкновения с администрацией. Негру Майку два раза приходилось отлеживаться по нескольку дней, причем оба раза он получал удары чем-то тяжелым сзади по голове.

— Не знаю, как это получается, парни, — недоуменно тараща синеватые белки, говорил он. — Не люблю драться и не дерусь никогда, правду говорю, вы сами знаете. Всегда даже разнимаю, если кто дерется. И вот тебе... Выпил свою бутылочку, пошел по берегу поискать удобного местечка поспать. Вдруг — бац! — и ничего не помню.

— Это все потому, что ты не держишь язык за зубами, негр, — значительно сказал Чарли.

— Хотел бы я поймать одного такого молодчика, что налетает со спины, — Майк посмотрел на свои сжатые кулаки, потом осторожно потрогал чудовищный синяк под глазом. — Сильно звезданул проклятый «чак», — смеясь, добавил он. — Ну, и я приложился к нему. Сегодня он весь день ничего не ест.

— Все-таки тебе, Майк, следует быть поосторожней. Ты хороший, веселый негр, лучший, пожалуй, из всех негров, которых я знал. Но третьего раза тебе не пережить, заметь, — и Чарли не спеша пошел прочь.

Майк невесело оскалил белые зубы.

Чарли оказался прав. Однажды воскресным утром тело несчастного Майка нашли на берегу

среди обломков коралловых глыб. Негр лежал наполовину в воде, лицом вниз, руки его были скручены за спиной проволокой, на затылке зияла страшная рана. Это было не первое убийство на острове, ибо одуревшие от жары и спирта люди дрались иногда чем попало, но, конечно, никому не пришло бы в голову связать противника перед тем, как раскроить ему череп, а затем для верности подержать его лицом в воде. И все же администрация, по-видимому, не усмотрела в этом случае ничего необычного. Мало того, Чарли и Дику показалось даже, что дело стараются замять. Труп закопали в северной части острова и насыпали над неглубокой могилой кучу песка. После похорон Чарли решительно сказал:

— Будь я проклят, если открою рот для разговора о чем-либо, кроме денег и жратвы. Будь я проклят.

И добавил без видимой связи с этим энергичным высказыванием:

— Через месяц моему мальчонке исполнится четыре года.

Между тем пришли еще два транспорта и привезли новые партии рабочих, стальных балок, баллонов с кислородом, проволоки, виски и консервов. Темп работ заметно усилился. Посредине острова выростало исполинское сооружение из стали и металлических тросов. По вечерам его кружевная ткань причудливыми пятнами ложилась на стены и крыши рабочих бараков. От зари до зари на нем копошились десятки электросварщиков, вокруг него возилась у лебедек и громадных катушек с тросами почти половина всей рабочей армии острова. Стальная башня росла на глазах, и было очевидно, что основные усилия строительства были сконцентрированы здесь.

Происшествие с Майком забывалось, и не только потому, что убитый был «хоть и хороший парень, но все-таки негр». Страшная отупляющая усталость не способствовала развитию активной мысли у людей, подобных Дику и Чарли, а такими здесь были почти все. Начальство спешило и не считалось ни с чем. Работа с утра до ночи, зачастую и ночью, при свете луны и прожекторов, солнце, омерзительная затхлая вода в цистернах — этого было достаточно, чтобы убить в этих людях интерес ко всему, кроме сна и прохлады.

* Знаки военной полиции США.

И вдруг наступил перерыв. Утром одиннадцатого февраля никто не будил, не понукал, не грозил. Можно было спать. Можно было бродить по раскаленному бетону или сидеть на берегу, опустив в воду натруженные ноги. Можно было валяться в тени загадочной стальной башни.

11 февраля 1954 года. Операция «Плющ», объект 15, Кваджелейн, адмиралу Брэйву.

Настоящим ставлю Вас в известность о том, что работы первой очереди на объекте 15 закончены. Освободилось около пятисот рабочих. Необходимо немедленно переправить их в Штаты. По моему мнению, для этого следует использовать транспорты, на которых выселяли туземцев. В настоящее время они находятся у атолла Маджуро и могут быть у меня через двое суток. В таком случае я освободил бы территорию объекта в недельный срок. Прошу Вас доложить министру мое мнение. Бригада в пятьдесят человек, которую я оставляю для монтажа основной системы, будет эвакуирована с объекта за сутки до назначенного дня вместе со всем обслуживающим персоналом на моем судне. Таким образом на Вашей ответственности останется только патрулирование.

Начальник объекта 15 полковник Смайерс.

Шифровальщик отстукал на машинке последние цифры, сунул оригинал в сейф и потянулся за сифоном. Было очень жарко и душно. В окно, раскрытое насколько позволяла стальная решетка, било ослепительное тропическое солнце. В пышущем жаром небе ни облачка. Океан, черносиний у горизонта, серо-голубой за внешним обводом атолла и зеленоватый в лагуне, был спокоен и неподвижен, как зеркало.

Здание управления начальника объекта находилось на самом высоком месте атолла, и из его окон открывался вид на весь остров. Только пять месяцев назад здесь зеленели глянцевиные купы кокосовых пальм, ярко желтел песок, вокруг тростниковых хижин бегали голые черные ребятишки и копошились веселые белозубые мужчины и женщины. Теперь от всего этого не осталось ничего. Сначала были срублены пальмы, снесены хижины, а их обитателей на-

били, как сельдей в бочки, в гульки железные трюмы и вывезли. Через месяц прибыли транспорты и выплонули на остров несколько сотен обалдевших от морской болезни людей, десятки всевозможных машин, тысячи ящиков, больших и маленьких, десятки тысяч бочек и досок и горы гравия. В мгновение ока песок был загажен окурками, пятнами нефти и машинного масла, битыми бутылками, огрызками и банками из-под консервов.

Шифровальщик выпил пару стаканов содовой, замкнул сейф и отправился в радиорубку. Через несколько минут текст, цифра за цифрой, пошел в эфир.

В это время в полукилометре от здания управления начальника объекта в тени большого пустого ящика сидели двое работяг из вечно голодной армии «Холмса и Харвера» — загоревшие до черноты, блестящие от пота, одетые в испачканные смазочным маслом брезентовые трусы. Один из них, высокий и сухощавый, с видимым отвращением курил дешевую сигарету, другой, низенький, толстый, дремал, прислонившись спиной к ящику и не обращая внимания на стекавший по его лицу обильный пот. Сухощавый сделал последнюю затяжку, щелчком отбросил окурочек в сторону и, наклонившись, выпустил струю дыма в полуоткрытый рот товарища.

— Послушай, Дик, перестань, ну тебя к черту, — пробормотал тот, не раскрывая глаз, — и так дышать нечем.

— Знаешь, Чарли, — сказал Дик, — я вот все думаю, что мы здесь делали? Для чего все это?

— Что «все это»?

— Да вот... залили землю цементом, вбили туда железные брусья какие-то... Каланчу эту построили, — Дик ткнул пальцем в сторону холма, над которым возвышалась громадная башня из толстых стальных форм.

— А тебе какое дело?

— Вообще, конечно, никакого. Но ведь интересно все-таки, что здесь будет?

Чарли открыл наконец глаза и изумленно уставился на приятеля:

— Тебя что... солнечный удар хватил, что ли?

— А почему бы мне не задать такой вопрос?

— Вот-вот, пойдешь к начальнику... А еще лучше к самим мистерам Холмсу и Харверу и задашь им

свой вопрос. Они тебе ответят. Не суй нос не в свои дела, старина. Это вернейший способ сохранить его в целости.

— Чепуха, Чарли. Я работал на этой стройке с самого начала, как и ты. Мы оба потели здесь и рисковали нажить грыжу. Почему же нам не узнать, что мы строили, если нам это интересно?

— Это ты брось, — резко сказал Чарли. — Мне это совсем неинтересно. Мне интересно получить свои денежки и поскорее вернуться домой целым и невредимым. А с теми, кто задает много вопросов и старается побольше узнать, случаются разные неприятные вещи. Не забывай негра Майка, дружище. Голову даю на отсечение, что его кончили за то, что он любил смотреть и слушать.

Дик поежился.

— Может, все это так. Только...

— Что «только»? — Чарли придвинулся к товарищу и сказал, понизив голос: — Тебе же сказали, что стройка идет по военному заказу. Ты — единственный дурак на всем острове, которому хочется узнать еще что-нибудь помимо того, сколько ему причитается и когда он попадет домой.

Дик вздохнул и поднялся на ноги.

— Пойдем попьем, что ли?

— Это дело, — оживился Чарли. — Можно и попить, и даже выпить.

У бака с водой стояла кучка отчаянно жестикулирующих людей. Дик сказал:

— Не иначе, что-то случилось. Насколько я знаю наших парней, они не будут волноваться по пустякам в такую жару.

— Разорались, — проворчал Чарли, проталкиваясь к крану. — Дай-ка кружку, друг..

Но не прошло и минуты, как он сам, размахивая руками, стал доказывать, что работа закончена, не сегодня-завтра придет транспорт и они поедут домой. Но кто-то сказал, что начальство решило оставить на острове еще на пару недель несколько десятков человек и, вероятно, будут вызывать добровольцев. Чарли вопросительно взглянул на Дика. Тот молча кивнул.

— Если мы с Диком подойдем, то останемся, — сказал Чарли.

Но все произошло гораздо проще. Поздним вечером, когда над островом в бархатно-чер-

ном небе взошла луна, всех созвали к зданию управления. Оттуда в сопровождении десятников вышли Болл и Смайерс. Толпа смолкла и насторожилась.

— Ребята, — негромко, но очень отчетливо произнес Болл. — Фирма ставит вас в известность о том, что сегодня, одиннадцатого февраля, расторгает контракты с большинством из вас. Основные работы, для которых вас нанимали, окончены, делать вам здесь больше нечего. Не думаю, что это вас очень огорчает, — он сделал паузу и оглядел залитые лунным светом ряды поднятых к нему лиц. От резких черных теней лица эти казались особенно изможденными и суровыми. Никто не проронил ни слова.

— Вы были заняты у нас свыше трех с половиной месяцев, и самый низкооплачиваемый из вас заработал больше, чем мог бы заработать в Штатах за целый год. А многие вернутся домой настоящими богачами. Транспорт за вами и за оборудованием придут через два-три дня. Завтра вы сможете с утра получить заработанные деньги здесь, в конторе. Фирма предлагает остаться на две недели для кое-каких доделок пятидесяти рабочим. Администрация наметила свои кандидатуры, список вам сейчас зачитают. Оплата — повышенная. Те, кто не согласится остаться, заявят сразу же после зачитания списка. Тогда мы назначим вместо них других. Всем ясно?

— Ясно, — прогудела толпа.

— Отлично. Читайте, Хвольсон.

Один из десятников выступил вперед с листком бумаги. Ему пришлось слегка изогнуться, чтобы не заслонять свет фонаря, под которым он стоял. Дик и Чарли подтолкнули друг друга локтями и затаили дыхание. Их имена зачитали в самом конце.

— Повезло вам, ребята, — сказал кто-то позади них. Они даже не обернулись.

— Есть желающие откататься? Нет? Все, друзья мои. Можете идти отдыхать. — Болл сказал несколько слов Смайерсу, и они вернулись в управление.

— Нам чертовски везет, — прошептал Дик, когда друзья укладывались спать.

— Тише, осел, — испуганно-сердито отозвался Чарльз, — спугнешь счастье...

ОБРЕЧЕННЫЙ АТОЛЛ

Прошло несколько дней, и остров опустел. На обширном, залитом бетоном и цементом пространстве остались только несколько барачков, здание управления и два-три склада. У берега валялся десяток забытых досок. И над этой плоской серой поверхностью возвышалась ажурная громада стальной башни.

Остаток дня после ухода транспортов Дик и Чарли провели на берегу, перебрасываясь незначительными фразами и непрерывно курия. Жара в этот день почему-то особенно донимала их, но купаться они боялись, лагуна кишела акулами.

— Мне кажется, — сказал Чарли, окинув взглядом остров и покосившись в сторону башни, — что настоящая работа начнется только сейчас.

Похоже было на то, что Чарли говорил правду. На следующее утро всех разбудил рев моторов. Громкий сверкающий «Глобмастер» проплыл над островом, развернулся и пошел на посадку. Выше него в бездонной синеве неба серебристыми мушками кружились девять реактивных истребителей. Транспортный самолет приземлился в северной части острова, где не было построек, и даже не искусственные в авиационных делах рабочие подивились искусству, с которым пилот направил многотонную машину вдоль жирной белой черты, отмечающей взлетно-посадочную площадку, в каких-нибудь пяти метрах от берега. Истребители, сделав прощальный круг, улетели в южном направлении.

Из здания управления высыпали люди. Несколько человек во главе с полковником Смайерсом поспешили к самолету, остальные — Болл и десятники — к рабочим барачкам.

— Пятнадцать человек к башне, устанавливать лебедку, — задыхаясь от быстрого бега, крикнул Болл, — тридцать — на разгрузку... Пяток останется при мне. Черт бы их побрал, не могли предупредить заранее... Скорее, ребята, они должны сегодня же улететь обратно!

Чарли и Дик попали на разгрузку. Из открытого люка им передали по одному небольшому, но очень тяжелому ящику, плотно обитому превосходной фанерой.

— К башне! — крикнул какой-то худосочный человек в коротких штанах, очках и тропическом

шлеме. Он прилетел на самолете и, по-видимому, был важной шишкой, если судить по почтительности, с которой к нему обращались представители администрации острова. Отходя, Дик и Чарли слышали, как он сказал десятнику:

— Послушайте... как вас... Распорядитесь, чтобы ящики складывали не штабелем, не в кучу, а по одному прямо на землю. Понимаете? А вы, Смайерс, лично проследите за этим.

Ящиков было очень много, и рабочие удивлялись, почему их содержимое не упаковано в несколько больших контейнеров.

— Не вашего ума дело, — оборвал эти разговоры Болл.

На каждом ящике был номер. Пять человек, оставшиеся с Боллом, разбирали и переключивали их таким образом, чтобы большие номера оказались ближе к подножию башни, а маленькие — дальше.

— Тяжелые какие, черти, — проворчал Дик, ставя свою ношу на цемент и утирая лицо, — железо в них, что ли?

— Увидим, — сдержанно сказал Чарли.

Вслед за небольшими ящиками из недр самолета появились большие продолговатые, затем громоздкая динамо-машина и еще какие-то механизмы в дощатых решетках, набитых стружкой. Все это складывалось возле башни. К вечеру разгрузка окончилась, и самолет улетел. Человек в тропическом шлеме остался. Он придирчиво осмотрел и пересчитал все выгруженное имущество, зачем-то потрогал некоторые ящики и распорядился накрыть все брезентом. Затем, недовольно брюзжа, опробовал лебедку.

— Вы уверены, что она не сорвется с фундамента? — спросил он сердито Болла.

— Совершенно уверен, сэр, — бодро ответил тот, но, когда человек в шлеме ушел, он обратился с тем же вопросом к десятнику, руководившему установкой лебедки.

— Не беспокойтесь, сэр, — сказал почтительно десятник, — полторы тонны она выдержит свободно.

— Учтите, — Болл строго посмотрел на десятника, — если хоть один из этих ящиков сорвется... — Он сжал губы, повернулся и быстро пошел к дому.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

*Мы в письмах писали, что сыты,
Обуты. Что вот поднажмем,
И будут фашисты разбиты,
И мы до Берлина дойдем.
Отмстим за родимые нивы,
За кровь, за поруганный люд.
Ведь самое главное — живы...
А письма так долго идут.
Доходят, как дивное диво.
И радость слезами из глаз.
Мы в письмах писали, что живы,
Хотя уже не было нас...*

Борис РЕПИН

Дик и Чарли переглянулись, вздохнули и побрели ужинать.

Неделя, следовавшая за днем выгрузки самолета, была, пожалуй, самой беспокойной в жизни большинства рабочих. Спали не более трех-четырёх часов в сутки. Человек в тропическом шлеме не спал, казалось, ни минуты. Его обтянутое шелушащейся кожей лицо, запекшиеся губы, сухие яростные глаза жутким видением нависали над падающими от усталости людьми.

— Живее!

Это было единственное слово, которое они слышали в течение целой недели. В палящем мареве тропического дня, в душной мгле ночи, за завтраком, за обедом, за ужином, под тяжестью таинственных ящиков, стальных листов, в путанице электропроводов каждый вздрагивал, слыша все тот же скрипучий, лишенный интонации голос.

Человек в тропическом шлеме казался им воплощением дьявола. Никто не знал, кто он, и никому не было известно, когда кончится эта бешеная гонка. Но рабочие были словно загнипнотизированы. Высушенные неистовым солнцем, потеряв всякое представление о пространстве и времени, они работали как одержимые. Вернее, как автоматы.

Двадцать пятого февраля внезапно снова наступила передышка. Человек в тропическом шлеме не показывался, десятники растерянно топтались вокруг бараков, ругаясь вполголоса, рабочие угрюмо, устало разглядывали то, что было сделано. Вершины башни теперь не было видно. Ее окружала широкая круглая площадка, сделанная из дырчатых железных листов. Туда вела лестница, похожая на пожарную, с большими промежутками между перекладинами, с туго натянутым тросом вместо перил. Туда уходил двойной трос от лебедки. Туда тянулся толстый многожильный кабель от динамо-машины. Электросварщики, работавшие наверху, поведали потихоньку о том, что там установлено громадное полушарие из алюминия, и кабель входит прямо в него.

— Словно яичная скорлупа. А внутри сделаны гнезда для чего-то.

— Любопытно, что будет за начинка, — заметил один из рабочих.

— Совсем нелюбопытно, — отрезал Чарли, — делайте свое дело, ребята, и больше ничего.

И они принялись за свое дело. Они распаковывали ящики. Фанерная упаковка усеяла все пространство вокруг башни. Лебедка поднимала вверх один за другим странные блестящие предметы, похожие на толстые короткие трубки, — несколько человек в белых халатах принимали их и уносили куда-то. Однажды было приказано распаковать длинный ящик. При этом присутствовал сам человек в тропическом шлеме. Из узкого, обитого войлоком отверстия извлекли продолговатый металлический баллон.

— Осторожнее, — мягко сказал человек в тропическом шлеме.

Это было неожиданно. Он не сказал: «Живее!», он сказал: «Осторожнее!» Испуганные рабочие, глядя себе под ноги, подтащили загадочный баллон к лебедке.

— Пожалуй, следовало бы поднять эту штуку вместе с упаковкой... — пробормотал человек в тропическом шлеме.

— Ничего, — отозвался Болл, — все будет в порядке.

— Вы не понимаете. Ведь там — третий! Миллионы долларов!

Он запнулся и поспешно огляделся. Но поблизости был только Чарли, потевший над очередным ящиком. А Чарли, если и слышал, то, разумеется, не подал вида. Что за дело было ему до непонятого слова «третий»? Впрочем, ночью, впервые за все время пребывания на острове, он задал вопрос:

— Слушай, Дик, что это такое — «третий»?

— Не знаю, друг, — сонным голосом ответил тот, — что-нибудь из Библии...

— Нет, не из Библии, — Чарли помолчал. — Это что-то совсем другое. А откуда взялись парни в белых халатах, что работают на башне?

— Полагаю, прилетели с самолетом. Я запомнил одного, который с усиками. Давай спать, Чарли.

Снова начались сумасшедшие дни. К концу февраля Дику и Чарли, как и многим другим, казалось, что всю свою жизнь они только и делали, что ломали прочно сколоченные фанерные ящики и, кряхтя от напряжения, подносили их содержимое к лебедке. И, казалось, всю жизнь стоял над ними человек в тропическом шлеме, выкрикивающий через равные промежутки времени:

— Живее! Живее, черт вас возьми!

К вечеру двадцать шестого у подножья башни не осталось ни одного ящика. Груда листов фанеры и жести возвышалась под башней. Куски фанеры плавали в лагуне. Легкий ветерок гонял по острову и сбрасывал в океан стружки и упаковочную бумагу. Часа за полтора до захода солнца на острове приземлился самолет. Из него тяжело выкарабкался и почти упал на протянутые руки встречавших грузный человек в военном мундире. Поздоровавшись, он потребовал воды.

— С каплей коньяку, если это здесь водится, сэры.

Все, даже человек в тропическом шлеме, заулыбались. Выпив содовой с коньяком, военный прошелся по бетону, притоптывая каблуками, словно проверяя его прочность. Затем залился неестественно тонким смехом:

— Прочно сделано, дьявол побери, а? Ничего, перед ней ничто не устоит. Покажите мне ее.

Все рабочие, в том числе Дик и Чарли, наблюдали, как адмирала подталкивали под оттопыренный зад, когда он поднимался по лестнице, похожей на пожарную. Дырчатая железная площадка скрыла его от их взоров. Но через несколько минут туда поспешно пронесли несколько сифонов. Вероятно, адмирала томила жажда. Прошло полчаса, и адмирал снова с видимым удовольствием ступил на цементно-бетонную гладь. Некоторое время он стоял молча, героически выпячивая нижнюю губу и пристально всматриваясь в океанские просторы. Потом сказал громко и хрипло:

— Можно начинать, джентльмены!

И быстрым шагом направился к самолету. Столб цементной пыли, рябь на поверхности лагуны, и самолет улетел. Рабочих снова собрали к управлению.

— Ребята, — сказал им Болл. — Наше дело окончено, рад сообщить вам это. Завтра утром получите расчет, и начнем грузиться на «Санта-Круц»... Да-да, на этот самый белый теплоход в лагуне. Фирма в знак признания ваших заслуг решила везти вас в Штаты как джентльменов. Цените это. Могу вас еще обрадовать: каждый из вас получит бумагу, по которой вы будете иметь возможность поступить на любое предприятие в Штатах вне всякой очереди. Это вам подарок от Холмса и Харвера. Я рад за вас, ребята.

Они тоже были рады за себя. Чарли чуть не вывернул Дику пальцы. Кто-то осторожно спросил:

— Не скажете ли вы, что мы тут строили, мистер Болл?

Болл пожал плечами:

— Знаю не больше вашего, ребята. Сами понимаете, военный заказ, государственная тайна... Но мы можем гордиться, что честно выполнили этот заказ.

— Может быть, затянуть «Янки Дудль»? — шепнул Чарли.

Дик мотнул головой, и Чарли так и не понял, одобрил ли товарищ его идею. Все же он не запел.

«И правильно сделал», — сказал он себе, увидев в бараке угрюмые лица рабочих. Почему-то они избегали смотреть друг другу в глаза. Никто не разговаривал о предстоящем радостном событии — возвращении на родину на шикарном теплоходе «Санта-Круз». Все словно стыдились чего-то. Общее настроение передал Дик, сказавший вполголоса перед сном:

— Верь, не верь, но дело мы делали темное, нехорошее дело, Чарли. Помяни мое слово.

— Не каркай, — досадливо отмахнулся Чарли, — чепуха все это.

Но заснуть не мог долго, ворочался с боку на бок и вздыхал, вспоминая жену и мальчика. Потом они приснились ему, растерзанные, в ломотьях, с умоляюще протянутыми руками. «Это ты виноват!» — сказал голос. Чарли бросился бежать, провалился в пропасть и проснулся. Дик тряс его за плечо.

— Вставай, толстяк. Будем готовиться к погрузке.

Но погрузки в этот день не было. Чувствовалось, что начальство нервничает, не то выжидает чего-то, не то ждет еще кого-то поважнее приехавшего вчера адмирала. Таинственные личности в белых халатах не показывались. Чарли божился, что видел, как они восседают на веранде управления и хлещут прохладительные напитки. «Я бы сейчас тоже с удовольствием вытянул бы пару бутылочек какого-нибудь джюса с ледком», — вздыхал он. К сообщению Чарли о людях в белых халатах отнеслись скептически, но проверить его не было возможности: рядом с управлением у подножия стальной башни расположились трое здоровенных молодчиков в трусах и белых панاماх, со свисающими через плечо автоматами. Не то чтобы они запрещали подходить близко к управлению или к башне, но

всякого, кто нечаянно приближался к ним, они меряли взглядами, исполненными такого недоумения, что тому не оставалось ничего другого, кроме поспешной ретирады.

Чтобы рабочие не слонялись без дела, Болл прислал десятника с приказом сжечь весь картонно-фанерный хлам, оставшийся от упаковки доставленных самолетом грузов. В ослепительном сиянии солнца пламени не было видно, казалось, что стружки, бумага, фанера сами собой чернеют, скручиваются и исчезают потихоньку, выпуская в небо синий дымок. Через полчаса ветер смел в океан пепел. В это время зазвонили в гонг — сигнал сбора. Рабочие поспешили к баракам, смутно надеясь на что-то, но им просто приказали не болтаться по острову, а сидеть в бараках.

— Как насчет отправки домой, сэр? — спросил Дик. Последовал короткий ответ:

— Ждите.

И они ждали. Зевали, валялись на койках, играли в лото и в карты до одури и снова зевали до боли в скулах. Нехотя пообедали, затем поужинали. Упала черная ночь. Против обыкновения, не обменявшись ни словом, Дик и Чарли улеглись спать.

Утром началась суматоха. Вероятно, за ночь что-то произошло, потому что рабочих подняли чуть свет и приказали разбирать бараки, опустевшие склады и здание управления. Белый теплоход подошел ближе к берегу. Вокруг него сновал катер. Все воспрянули духом, работали дружно и весело, обмениваясь шутками. От вчерашнего уныния не осталось и следа.

— Кажется, двигаемся, наконец? — шепнул Чарли Дику.

— Кажется, так, старина, — довольно ухмыльнулся тот.

К полудню все здания были разобраны и погружены на теплоход. Последним исчез в его трюме тяжелый сейф начальника строительства, а Чарли под хохот товарищей выразил сочувствие лебедке, производившей эту операцию.

— Ведь нас было много, когда мы волокли эту махину к берегу, а ты, бедняжка, должна справляться в одиночку!

Тут к ним подошел один из десятников.

— Сейчас мы погрузимся на теплоход, — объявил он, — там вы, ребята, получите ваши деньги и через неделю будете в Фриско...

Восторженные крики прервали его слова. Он поднял руку.

— Как и было обещано, вам будут также розданы и рекомендательные письма.

Все снова радостно зашумели.

— А теперь готовьтесь. Катер сейчас подойдет.

Прыгнув в катер, Чарли и Дик оглянулись на осточертевший остров. Закованный в цемент и бетон, прошитый металлическими брусками, он напоминал исполинское морское животное, горбом выпятившее серую спину из лазурных вод океана. На вершине горба возвышалась решетчатая стальная башня, подпирающая громадное сверкающее полуяйцо. Под башней маячили фигуры парней в панاماх и с автоматами. Больше на гладкой поверхности острова не было никого и ничего. Чарли сплюнул и отвернулся.

Рабочих разместили в трюме. Как выразился Чарли, там было гораздо лучше, чем в свинарнике, в котором они ехали сюда, но все же хуже, чем можно было предполагать, судя по нарядному виду теплохода.

— Если не нравится, сойдите, сэр, и дождитесь следующего рейса, — съязвил кто-то, — тогда вам, несомненно, предоставят люкс.

В трюм спустился кассир, за ним несли столик и кожаный чемодан. Наступил долгожданный миг. Каждый получил по два конверта — один с чеком, другой с рекомендацией — и по двести долларов наличными. Чарли и Дик, поспевшие, как всегда, первыми, вскрыли конверты с чеками и чуть не задохнулись от изумления и радости: на нежно-лиловых узорчатых листках плотной бумаги были выведены фантастические числа четыре тысячи... Четыре тысячи долларов!

— Выйдем на палубу, — после короткого молчания сказал Дик, — душно мне что-то.

Они торопливо выбрались наверх и остановились на корме.

— Да-а... — пробормотал Чарли, — четыре тысячи! Подумай только, четыре тысячи за четыре месяца! Теперь уж я...

— И рекомендация! Не забудь про рекомендацию, старик! Стивен клялся, что это лучше всяких справок о лояльности...

— Справки о лояльности! Вот что я скажу тебе, Дик! Твой Стивен болван. Эта бумажка открывает тебе двери на любом предприятии.

Они поглядели друг на друга и засмеялись от радости. И вдруг Дик схватил приятеля за руку.

— Гляди, Чарли! Что они там делают?

Парней с автоматами уже не было возле башни. Но на ее вершине, возле купола, копошились люди в белых халатах. Видно было, что они не то торопились, не то очень волновались. Вот один из них спустился, осмотрел кабель, тянувшийся сверху, и задрал голову. Сейчас же спустились и остальные.

— Вон он, тот тощий дьявол, — прошептал Дик.

Человек в тропическом шлеме и люди в белых халатах поспешно сбежали к берегу и прыгнули в катер. В то же мгновение корпус теплохода задрожал мелкой дрожью: заработали машины. Едва катер был поднят, как заплескалась вода за кормой, и остров медленно поплыл в сторону. Теплоход, набирая скорость, вышел из лагуны и взял курс на юг. Чарльз и Дик, как замороженные, смотрели в сторону острова. Он уменьшался на глазах. Башня с куполом становилась все ниже и тоньше и, наконец, превратилась в едва заметную черточку на горизонте.

Кто-то кашлянул над их головами. Они оглянулись и увидели человека в тропическом шлеме, стоявшего на мостике. Как и они, он всматривался в ту сторону, где таяли очертания острова. К нему подошел моряк в кителе с золотыми нашивками — очевидно, капитан.

— Любуетесь в последний раз, сэр? — спросил он.

— В последний раз, — не сразу ответил человек в шлеме. — Больше его никто никогда не увидит.

— Обреченный атолл, — усмехнулся капитан.

— Да, обреченный атолл. Через сутки он... пффф!

— Мы-то, слава богу, будем уже достаточно далеко отсюда.

— Надо надеяться. Я не дал бы ни гроша за наши жизни, если бы у нас сейчас что-нибудь случилось с машинами.

— Или в дистанционном механизме... Впрочем, за нами прислали бы самолет.

— Вы думаете, это бы помогло?

— Ну... Часа два мы продержались бы на обломках.

— Я вижу, дорогой сэр, у вас несколько пре-
вратное представление о ее мощи, — человек в

тропическом шлеме кивнул подбородком в сторону острова. — Если завтра к полуночи мы не уберемся от нее на расстояние, по крайней мере, километров в сто, нам крышка.

— Базисная волна? Не чересчур ли далеко для нее?

— Мы попросту сгорим.

Высоко над теплоходом с сухим шелестом прошли два реактивных самолета.

— «Сейбры», — сказал капитан. — Они будут патрулировать над объектом все время, до самого момента...

Тут он случайно взглянул вниз и, увидев Чарли и Дика, стоявших с разинутыми ртами, побагровел и крикнул:

— А вы что здесь торчите? Марш в трюм! Живо, болваны!

Приятели не стали дожидаться второго приглашения и проворно юркнули в люк. На дне железного колодца Дик остановился.

— Темное дело, Чарли, страшное дело, — пробормотал он.

Чарли пощупал карман, в котором лежали заветные конверты, и ничего не ответил.

ОНА В ДЕЙСТВИИ

28 февраля 1954 года.

*Операция «Плюц»,
Кваджелейн, адмиралу Брэйву.*

Докладываю, что объект 15 полностью эвакуирован, система пущена в действие согласно инструкции, район объекта патрулируется. Донесений о наличии в опасной зоне посторонних не поступало.

Полковник Смайерс.

— Черт им теперь поможет, посторонним, если бы даже донесение о них и поступило, — пробормотал шифровальщик, вытирая мокрый лоб.

Вечером двадцать восьмого февраля на аэродроме атолла Кваджелейн царило необычное оживление. Аэродром представлял собой одну-единственную взлетно-посадочную полосу, проходящую в неприятно близком соседстве с обоими берегами атолла — океанским и лагунным, и неопытный пилот мог бы легко промахнуться при посадке, опрокинув свой самолет в океан или разбив его о скалистый берег. Впрочем, неопытные пилоты не имели возможности практиковаться на Кваджелейне; если верить неоднократным заверениям командующего ВВС США, то для обслуживания операции «Плюц» выделены лучшие экипажи, получившие громадную практику в Корее и во Вьетнаме.

В одиннадцать часов адмирал Брэйв категорически потребовал, чтобы все — пилоты, научные работники и военные наблюдатели — отдохнули

хотя бы несколько часов перед операцией. Аэродром опустел, но вряд ли кто-либо из них сомкнул глаза в эту ночь: то, что предстояло, было слишком серьезно и страшно. Никто не знал, как будет вести себя проклятая штука, ожидающая своего часа на далеком бетонированном берегу.

Ровно в два ночи слабо хлопнул выстрел, и в черное небо медленно поднялась яркая красная ракета. И сейчас же заревели моторы. На залитый прожекторным светом аэродром выбегали люди, поспешно карабкались по алюминиевым лестницам и скрывались в кабинах. Последним в самолет поднялся адмирал Брэйв. Он оглядел аэродром, выплюнул потухшую сигарету и захлопнул за собой дверцу. Поднялась еще одна ракета, на этот раз зеленая. Самолеты, тяжело переваливаясь, выполняли на взлетную дорожку и стремглав бросались в непроглядную тьму над океаном.

Адмирал, поминутно поглядывая на хронометр, сидел рядом со штурманом. За его спиной копошились у своих приборов авторы и экзаменаторы нового детища ядерных королей — ученые и инженеры. В самолете адмирала их было пятеро (десять других летели на остальных самолетах). Адмирал слышал обрывки разговоров:

— Включите Гейгера...

— Обычный фон... Около трехсот каунтов...

— Космические лучи, разумеется...

— Какая высота?

— Двенадцать тысяч футов*.

— Не мало ли?

* 7-8 тысяч метров.

ЗНОЙ

*Вдоль кромки неба,
На виду
У зло нахохлившихся
Чаяк,
Пустынным островом
Бреду,
Рукой от солнца
Защищаясь.
У ног
Томятся облака,
Качнуть боками
Не рискуя.
Вдруг небо,
Вздрыгнув от шлепка
И круто выгнув
Синь тугую,
Качнет
Упругие круги,
Сломает их —
И кулики
Рванутся косо,
Ухнет рыба,
Светло плеснув
На остров рыжий...
Свой дальний берег
Различая,
Привычно пробуя
Весло.
И зло нахохлившихся
Чаяк
Я поднимаю на крыло.*

Константин ВЫБОРОВ

— Не бойтесь, коллега...

Прошло полчаса. Автоматический прибор, вычерчивающий курс, повел линию в обход обреченного атолла на расстоянии около двухсот километров от него.

— Подойдите километров на пятьдесят ближе, — сквозь зубы процедил адмирал.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался штурман и полез в кабину пилотов. Теперь самолет пошел вокруг объекта 15 по суживающейся спирали, постепенно приближаясь к нему. Адмирал посмотрел на хронометр. Еще минут пятнадцать... Он выпрямился, чтобы рубашка отстала от мокрой спины. Закурил сигарету и сразу же бросил. Голоса позади смолкли. Еще десять минут... А вдруг ничего не будет? Что если эти ученые крысы что-нибудь перепутали? Осталось пять минут.

— Какой ветер, штурман? — спросил адмирал.

— Запад-северо-запад, сэр.

— Не забудьте, держаться только с наветренной стороны... Всем надеть очки!

Три минуты, две... Лицо штурмана в черных очках кажется мертвенно-бледным. Адмирал поспешно надевает очки-консервы.

Внимание!

Застрекотали киносъёмочные аппараты. И в то же мгновение стало светло.

Сквозь густо черные окуляры отчетливо были видны окаменевшие лица, приборы и аппаратура в кабине, рябая поверхность океана и серые полосы слоистых облаков за окном. Свет бил из-за восточного горизонта. Через несколько секунд он померк, и снова все потемнело. Адмирал сорвал очки, крикнул и заслониł глаза. Так, вероятно, бывает с тем, кто заглядывает в доменную печь.

1-я минута. Над горизонтом поднялся быстро увеличивающийся в размерах ослепительный желто-оранжевый шар.

2-я минута. Шар поднялся выше. Диаметр его около километра, высота — примерно три километра. Смотреть на него без очков все еще трудно, но можно разглядеть на его поверхности темные прослойки.

3-я минута. Шар продолжает стремительно подниматься и увеличиваться. Цвет его стал кроваво-красным, темные полосы и пятна выделяются на нем более заметно. Из-за горизонта

появились раскаленные облака клубящегося пара.

5-я минута. Шар теряет правильную форму и превращается в пухлое багровое облако. Диаметр облака — восемь километров, высота — двенадцать километров. Облако тянет за собой грандиозный хвост пара и пыли.

10-я минута. Облако раздается вширь. Оно похоже теперь на исполинский гриб на скрученной клочковатой ножке. У основания гриба громоздятся тучи пара.

15-я минута. Шляпка гриба расплылась в веретенообразную массу, над которой вырастает второй гриб. Высота верхнего гриба — двадцать пять — тридцать километров.

Через полчаса над океаном неподвижно встал невероятной высоты почти гладкий столб серебристо-серого цвета. Вершина его упиралась в туманное пятно, расплывавшееся где-то в стратосфере у слоя Хивисайда. Адмирал откинулся на спинку кресла и перевел дыхание. «Ученые крысы» лихорадочно возились у своих приборов. Были слышны их отрывистые возгласы:

— Двадцать пять тысяч... тридцать...

— Температура падает медленнее, чем мы рассчитывали, Джейс.

— Оставьте этот спектрограф в покое...

— Здесь что-то не так, джентльмены!

— Ага! Радиоуглерод... Позвольте, а это еще что такое?

— Восемьдесят тысяч каунтов!

— Пора выбираться отсюда...

— Ни за что, пока я не кончу!

Внезапно самолет сильно встряхнуло. Встрепанный адмирал приказал лечь на обратный курс. И тут кто-то крикнул:

— Атолл горит!

Сквозь облака пара у основания огненного столба мерцало красно-желтое пятно. Это горел, рассыпался и тончайшим прахом уносился внутрь столба обреченный атолл. Он продолжал гореть и под водой.

Чарли и Дик, убаюканные легкой качкой, спали и счастливо улыбались во сне. Им снилось, что они стали миллионерами и им не приходится бегать в поисках работы. У них есть своя строительная контора, и они ведут работы по постройке огромных башен с алюминиевыми колпаками на верхушке. Сам человек в тропическом шлеме почтительно здоровается с ними и предлагает им виски с содовой и консервированное пиво.

Ничто не потревожило их сон. Машины на «Санта-Круз» были в полной исправности, и дистанционный механизм на объекте 15 сработал точно в назначенное время.

РЫБАКИ

Даже на довольно подробной карте Японии не всегда можно найти Яйдзу. Это небольшой рыбацкий городок, один из тысяч, которые лепятся по побережью Страны восходящего солнца от угрюмых скал мыса Соя на Хоккайдо до изумрудных берегов Южного Кюсю и создают ей славу одной из первых рыбопромышленных стран мира. Через их грязные захламленные порты вливается в Японию бесконечный поток разнообразных даров моря: с севера идет кета, лосось, сельдь, с юга доставляют тунца, макрель, омаров; на оптовые склады поступает китовый жир, амбра, сушеные осьминоги, каракатицы, кальмары, сепия, икра...

Эти города ежедневно встречают и провожают тысячи и тысячи рыболовных шхун, иногда новеньких и опрятных, чаще — ободранных, потрепанных временем и случайностями дальних

плаваний, провонявших тухлой рыбой и квашеной редькой, но всегда имеющих деловито-озабоченный вид и пестрых от бесчисленных флажков, вымпелов и разноцветных одежд моряков. Шхуны со всем инвентарем и мускульной силой экипажей принадлежат либо крупным компаниям, либо маленьким частным владельцам, так называемым мелким и средним предпринимателям, каких много развелось после войны почти во всех отраслях народного хозяйства Японии.

Подобно всем своим близнецам, Яйдзу беден достопримечательностями. Хотя через него проходит железная дорога, и желающий может добраться из него до Токио за четыре часа, столичному жителю жизнь там показалась бы скучной и однообразной. Во всяком случае влияние огромной беспокойной столицы ощущается в Яйдзу

очень слабо. Но жителей это нимало не волнует. Им совершенно достаточно пары его публичных домов, десятка ресторанчиков, замызганных кинотеатров и местной газетки.

Невзирая ни на какие новые веяния, они с похвальным упорством отстаивают истари установившиеся патриархально-феодалные традиции в отношениях между рыбаками и их хозяевами, и традициями этими проникнута даже деятельность (или бездеятельность) рыбацкого профсоюза. Не то чтобы рыбаков вполне устраивал их заработок, который, по правде говоря, не мешало бы поднять раз в пять-шесть, да и то было бы только в обрез. Но просто по опыту известно, что в случае возникновения разногласий с хозяином тот, выражая отеческое сожаление, моментально уволит недовольного, а это означает необходимость идти искать заработков в какой-либо другой город — перспектива ненавистная и страшная для любого семейного рыбака. Поэтому большая часть жителей Яидзу предпочитает сводить концы с концами, довольствуясь тем, что дают им уловы. Женщины разводят огороды, старики днюют и ночуют на маленьких лодочках у берега, вылавливая «ика» — кальмаров: в сушеном виде эти головоногие довольно вкусны и, если они не составляют единственного блюда на завтрак, обед и ужин (а так, к сожалению, бывает нередко), их появление на столе встречается даже с радостью.

Что касается недовольных, то они не уживаются в Яидзу. Им приходится искать счастья на стороне. Судя по их редким письмам, дело это трудное и хлопотливое, о чем неустанно при каждом удобном случае напоминают им хозяева. Да, счастье положительно не дается недовольным. Но только ли недовольным?

Айкити Кубояма служил радистом на стотонной шхуне «Дай-го Фу-кюрю-мару», что в переводе означает «Счастливый Дракон № 5», принадлежащей известному всему Яидзу толстому Нисикаве. Зарабатывал Кубояма не очень много, но все же больше, чем простой рыбак. Кроме того, его должность ставила его по отношению к прочим в привилегированное положение, он входил в рыбацкую аристократию, состоящую, как правило, из капитанов, начальников лова — сэндю — и радистов. Очевидно, что оснований для недовольства у него не было и не могло быть. Но счастье упорно обходило его домик, где он жил с

женой, тремя дочками и старухой матерью. Дело в том, что «Счастливому Дракону» не везло. Своего названия он не оправдывал, возможно, потому, что был пятым «Счастливым Драконом», зарегистрированным в списках портовой администрации. Как бы то ни было, улов, а следовательно, и доля в наградных с каждым рейсом становились все меньше и меньше, а во время последнего плавания несчастная шхуна попала в индонезийские воды и была задержана за браконьерство. Хорошо еще, что удалось выпутаться хотя бы ценой улова. Обычно такие дела кончались конфискацией орудий лова и даже самой шхуны и шестимесячным тюремным заключением всей команды во главе с капитаном. Неудачи «Счастливого Дракона» огорчали всех, и больше всего толстого Нисикаву. Шхуна приносила убытки. Разумеется, такое положение совершенно не устраивало его. Как и всех других хозяев, Нисикаву интересовало только одно: полные трюмы свежезасоленной рыбы. За полные трюмы отвечают капитан и сэндю. За это они получают деньги. Законно они действуют или нет — их дело. Впрочем, если бы рыболовным шхунам разрешено было иметь на борту оружие, Нисикава, вероятно, не удержался бы и сам порекомендовал им заняться каперством, пиратством, чем угодно, лишь бы была обеспечена прибыль. Единственным условием, которое он им ставил, было, есть и будет: действовать так, чтобы не вовлекать его, Нисикаву, ни в какие неприятности. В этом состояла одна из важнейших традиций рыбацкого мирка городков, подобных Яидзу. Пограничники соседних стран, задержавшие японских браконьеров в своих водах, могут сколько угодно спрашивать капитанов, сэндю и команду, всех вместе и каждого в отдельности, пытаясь добраться до корня зла, — задержанные будут дружно и угрюмо, чем бы это им ни грозило, отстаивать два положения: во-первых, в чужие воды они зашли по незнанию, во-вторых, сделали они это сами, по своей воле, без ведома и вопреки воле хозяина.

Итак, радист «Счастливого Дракона № 5» Айкити Кубояма, пользовавшийся особым благоволением хозяина за почтительность и усердие, никак не мог быть причислен к недовольным и смутьянам, и всё же лишь с трудом сводил концы с концами. Правда, у него были кое-какие сбережения, а также возможность подработать на

берегу — дешевые отечественные приемники, которыми пользовалось большинство его земляков, не отличались высоким качеством. Не отличалась высоким качеством и одежда, которой пользовалась его семья, особенно одежда девочек, целыми днями возившихся на огороде или носившихся со сверстницами по улице. Сильно подорожал рис и другие продукты. А сбережения таяли, и никаких побочных заработков не хватало на жизнь. Кубояма забыл о тех временах, когда по возвращении с удачным ловом можно было всласть посидеть с приятелями в какой-нибудь унагия*.

— Ничего, — утешала его жена, маленькая Судзу. — Скоро снова начнется сезон, и вам обязательно повезет. Только бы продержаться до первого рейса, а там вы получите аванс...

Бедная Судзу! Ей тяжело, она отказывает себе во всём и старается скрыть это... И девочки, как давно он не приносил им подарков! Очень, очень скверно.

Как-то раз, когда Кубояма в ожидании обеда предавался безрадостным мыслям, к нему забежал племянник Нисикавы и одним духом выпалил, что хозяин вызывает его, господина Кубояму, к себе, что господин капитан Цуцуи и господин сэндо Мисаки уже там и что его, господина Кубояму, ждут.

Когда Кубояма, оставив обувь перед дверью, вошел в гостиную просторного дома Нисикавы, хозяин неторопливо читал какие-то нравоучения смиренно слушавшим капитану и сэндо. Увидев радиста, он остановился и указал на циновку рядом с собой:

— Здравствуйте, Кубояма-сан, садитесь, пожалуйста. Надеюсь, вы извините меня за бесцеремонный вызов?

Кубояма поспешил заверить его, что никакой бесцеремонности он не усматривает и даже, наоборот, он весьма польщен...

— Тогда я хотел бы, чтобы вы все выслушали меня и высказали свое мнение.

Нисикава помолчал, собираясь с мыслями.

— Так вот. Как вы знаете, дела наши очень плохи, особенно за последний год. Я уже забыл, когда «Счастливый Дракон» приходил с полным трюмом рыбы.

Сэндо раскрыл было рот, но Нисикава отмахнулся от него.

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать. Правда, другие шхуны тоже не в лучшем положении. Поэтому я не имею оснований относить свои неудачи за счет плохой работы капитанов или начальников лова, тем более что вы все заинтересованы в богатом улове не меньше меня.

«Наверное, даже больше», — подумал Кубояма.

— Но факт остается фактом — рыбы вы не привозите. Это убытки. Это разорение. А если я разорюсь, куда вы пойдете?

Нисикава взял сигарету, чиркнул спичку и затянулся.

— Курите, пожалуйста. Так вот. Я скорблю при мысли о том, что произойдет со мной и с вами, с вашими семьями, если такое положение будет продолжаться и дальше. И я решил: в этом году вам необходимо выйти в море как можно раньше.

— Когда? — вырвалось у Кубоямы.

— Я полагаю, не позже двадцатого. Двадцатого января, я имею в виду. А может быть, и раньше. Вы хотите что-то сказать, Цуцуи-сан?

— Извините, хозяин... — капитан кашлянул. — В январе еще не кончается период штормов.

— Мне это известно, — усмехнулся Нисикава. — Что ж, придется удвоить осторожность. Рискнем. Вы говорите, шхуна в порядке?

— В полном порядке, хозяин.

— Ваше мнение, сэндо?

— Преклоняюсь перед вашим решением, Нисикава-сан, — поспешно отозвался Мисаки, упираясь руками в пол и кланяясь. — Нам не привыкать рисковать, и мы сделаем все, чтобы вы были довольны.

— Как со снастями?

— Старые починены, новые, которые вы изволили купить в прошлом году, приведены в готовность. Мы вполне готовы, Нисикава-сан.

— Остается только погрузить продовольствие и горючее.

— А у вас, Кубояма-сан?

— У меня всегда все в порядке, вы знаете, Нисикава-сан, — сказал радист.

— Вот и превосходно. Теперь еще одно.

Все трое изобразили на лицах почтительное внимание.

* Дешевый ресторан, где подаются блюда из угрей.

— Постарайтесь не залезать в чужие воды. Один раз вам это сошло, хотя вы остались без заработка, а я без рыбы, но не надо искушать судьбу. Риск есть риск, и рыбак, боящийся риска, не рыбак. Но я не желаю рисковать шхуной. Конфискация шхуны приведет меня к разорению, а вас — к нищете. С другой стороны, если вы вернетесь без рыбы, нам придется расстаться. Вот все, что я хотел вам сказать. Я уже вижу, что вы вполне согласны со мной, не правда ли? Всегда помните, что ваше благополучие, как и благополучие других рыбаков, зависит от процветания их хозяина.

Нисикава взял вторую сигарету.

— Значит, с завтрашнего дня, сэндо, начинайте получать все необходимое. А теперь разрешите предложить вам чаю.

Простившись с хозяином, капитан, сэндо и радист поспешили по домам. Через час все рыбаки уже знали, что первым в этом году в океан выйдет «Счастливый Дракон № 5». Вечером Кубояма взял у жены несколько иен и отправился в лавку за бутылкой сакэ и за лакомствами для дочек. На обратном пути он встретил механика своей шхуны, известного забияку и весельчака Тюдзи Ямамото. Механик был уже изрядно пьян, если судить по его заплетающейся походке и возбужденному красному лицу.

— О-ой, Кубояма-сан! — крикнул он останавливаясь. — Тоже решили выпить?

— По случаю такого радостного события, Тюдзи, — степенно ответил Кубояма. — А ты, я вижу, уже отпраздновал?

— Пустяки. Всего пару бутылочек. Взял у долг у соседей в счет аванса и вот... Было очень весело. Не знаете, когда мы тронемся?

— Не знаю. Нисикава-сан приказал быть готовыми в любой день.

— Нисикава-сан... Старый толстый скупердяй. Я так и скажу ему когда-нибудь: старый толстый скупердяй! Я ему отрегулировал дизель, а он

хоть бы поблагодарил... Считает, что купил меня за этот грошовый заработок... Но он смельчак, не боится покусать шхуну в такое время года. Он сам был рыбаком, хоть он и скупердяй... — Тут Ямамото понес такую околесицу, что Кубояма, опасливо оглянувшись, поспешно проскользнул мимо него и торопливо удалился. За спиной он еще долго слышал ужасные слова в адрес хозяина и скорбно покачивал головой.

Вечер удался на славу. Выпив и угостив соседа, Кубояма пообещал по возвращении из плаванья купить жене новое кимоно, обязательно шелковое, матери — набор гребней, дочерям — новые оби и игрушки. Судзу молодо блестела глазами и счастливо улыбалась, старая Сюн с гордостью смотрела на сына, а дочери визжали от радости. В этот вечер семья Кубоямы была счастлива.

А со следующего утра у пирса, где был пришвартован «Счастливый Дракон», началась суматоха.

На шхуну грузили соль, приманку, бочки с водой и квашеной редькой, рис, сигареты, проверяли двигатель. К середине января все было готово. Вечером накануне отплытия Айкики Кубояма, невысокий, плотный, в клетчатом кимоно и овальных очках в дешевой никелированной оправе, принимал у себя дома родственников и знакомых, явившихся на проводы. Жена его, маленькая Судзу, и старая мать Сюн обносили гостей немудреной закуской. Гости прихлебывали сакэ и по очереди выражали надежду, что на этот раз «Счастливому Дракону» обязательно повезет.

Прохладным январским утром «Счастливый Дракон» отправился в путь. Разноцветные флажки трепыхались на его мачте, рыбаки, столпившись на палубе, кричали и махали руками. С берега толпа родных и знакомых тоже орала, надсаживаясь, стараясь, чтобы слова прощальных приветствий достигли ушей отплывающих. «Счастливый Дракон», пыхтя голубым дымком от дизеля, уходил все дальше и дальше и вскоре скрылся из глаз.

НЕБО ГОРИТ

Им опять не везло. Седьмого февраля сэндо, держась для верности за амулет, висевший у него на груди, впервые за рейс приказал ставить сети. Это было в нескольких десятках миль к западу от

Мидуэя. Всю ночь рыбаки напряженно следили за фосфорическим мерцанием волн вокруг невидимых в темноте стеклянных буйков. Амулет не помог. Когда рано утром сети были подняты,

Поэзия

*Танки рушат дубы, подминают кусты,
В белоствольные рощи врываються с хода.
Пахнут дымом цветы,*

пахнут кровью цветы.

Это запах цветов сорок первого года.

*Снова пламя с утра захлестнуло поля.
Хлеб горит, и не видно совсем*

солнцевсхода.

Пахнет дымом земля,

пахнет кровью земля.

Это запах земли сорок первого года.

Было десять атак на участке полка.

Уцелело лишь трое из нашего взвода.

Пахнет дымом строка,

пахнет кровью строка.

Это запах стихов сорок первого года.

Сергей ТЕЛЬКАНОВ,

1941

кто-то разочарованно свистнул, механик Ямамото выругался, а сэндю смущенно почесал в затылке: в слизистой каше из медуз и сифонофор бились всего три-четыре десятка небольших рыб, из них пяток молодых тунцов. По предложению сэндю «Счастливого Дракон» передвинулся на полтораста миль к западу. Там произошла катастрофа. Главная линия сетей зацепилась крючьями за коралловую отмель. Двое суток рыбаки с терпеливым озлоблением возились на проклятом месте, спасая сети. На рассвете третьего дня разразился шторм, и сто шестьдесят шесть новеньких стометровых тралов, почти половина того, чем располагал «Счастливого Дракон», были безвозвратно потеряны.

— Если так пойдет дальше, — сказал Ямамото, презрительно разглядывая одинокие тушки тунцов, распластанные на палубе, — мы сгорим от стыда еще прежде, чем вернемся домой. В мое время...

— В твоё время! — яростно перебил его сэндю. — В твоё время тунца было сколько угодно и дома, у берегов Идзу. Да только это было гораздо раньше, чем ты научился втягивать носом соплю, Тюдзи. Помолчал бы хоть!

Усталые и злые рыбаки угрюмо перебирали сети. Круглые буйки темно-зеленого стекла тускло отсвечивали на солнце. Сэндю прошелся по палубе, морща лоб и нервно потирая руки. Несколько раз он останавливался, как бы желая сказать что-то, но не решался и снова принимался бегать вокруг рыбаков. Шторм утих так же быстро, как и налетел, и теперь над присмирившим океаном царил тишина и горячее солнце. Небольшие волны лениво плескались под кормой шхуны. Масуда, самый молодой из рыбаков, оторвался от работы, чтобы поправить головную повязку, сползшую на глаза.

— Везет же другим, — досадливо сказал он. — Знают богатые рыбой места и всегда приходят домой с полными трюмами. А мы таскаемся по морю взад и вперед и никакого толку.

В другое время сэндю непременно оборвал бы наглого мальчишку и, возможно, стукнул бы его по затылку. Но сейчас он оставил упрек без ответа. Он только пожал плечами и вдруг, остановившись возле механика, проговорил негромко:

— Есть одно место, где тунца видимо-невидимо. Только...

Он замолчал, словно испугавшись собственных слов. Все насторожились. Ямамото бросил паклю, которой вытирал руки.

— Где же такое место?

— Нет-нет, — торопливо забормотал сэнд. — Туда нам нельзя, никак нельзя.

— Я знаю, — объявил Масуда. — Мисакисан говорит о Маршалльских островах. Мой дед ходил туда еще до войны. Там рыбаки хорошо зарабатывали в те времена.

— Правда, — отозвался кто-то, — нам следовало бы сразу идти туда.

Сэндо отрицательно замотал головой.

— Нам туда нельзя, — повторил он.

Но в его голосе не было уверенности, и все рыбаки сразу почувствовали это. Они вскочили на ноги и обступили его.

— Почему нельзя? Кто нам может запретить?

— Нельзя, вот и все, — притворно-сердито крикнул сэнд. — Говорят вам... Кто здесь сэнд, я или ты, Масуда?

Он фыркнул и уже спокойно добавил:

— Это недалеко от запретной зоны. Кроме того, Маршалльские острова теперь не принадлежат Японии, и там нас опять, как и в прошлый раз, могут задержать за лов в чужих водах.

— Пусть они будут хоть трижды чужие, — сказал Ямамото. — Надо идти туда, раз там есть тунец.

— Уж не опасениями ли своими ты думаешь кормить этой весной свою семью, Мисакисан?

Рыбаки одобрительно загудели.

— Нам ли бояться риска...

— Мы удерем от патрулей или скажем, что заблудились...

— Нам нельзя возвращаться с пустыми руками...

— Тунца там много, это правда, — сэнд нервным движением пригладил волосы на макушке и оглянулся на капитана. Тот стоял молча, не принимая участия в споре. Тогда сэнд решил.

— Хорошо, — сказал он, — мы пойдем туда. Но вспомните прошлый рейс и еще раз подумайте об этом. Если нас задержат американцы, нам недобровольно.

— Нечего нам думать, — рассерженно заметил один из рыбаков. — Я должен добыть рыбу, а думать буду, когда мои дети перестанут пищать

от голода. На Маршаллы так на Маршаллы, или где это там?

— На Маршаллы! — завопили все. — На Маршаллы, где много тунца!

В тот же день, двенадцатого февраля, «Счастливого Дракона» повернул на юго-юго-восток. Вечером сэнд вместе с капитаном и радистом стояли в рулевой рубке. Поговорив о каких-то пустяках, он вдруг спросил:

— Вы не боитесь, Цуцуи-сан?

— Я? — капитан, двадцатидвухлетний парень, недавно окончивший префектуральную морскую школу в Айнити, пожал плечами и с ненужной пристальностью уставился на компас. — Конечно, боюсь. Но еще больше я боюсь остаться без рыбы и без работы.

— А вы, Кубояма-сан?

Кубояма вспомнил последние напутствия Нисикавы и только вздохнул.

Тунца не было. «Счастливого Дракона» перешел уже международную границу перемены чисел, но уловы были столь незначительными, что никто из рыбаков даже не ругался. Как известно, бесполезно и небезопасно бранить судьбу за то, что она повернулась к тебе спиной. После короткого совещания с наиболее опытными рыбаками сэнд предложил капитану повернуть обратно на запад, в обход американских вод, в центре которых лежали Маршалльские острова. Среди них находились и два черной славы атолла — Бикини и Эниветок, всем известные полигоны для испытания атомных бомб.

Капитан озабоченно склонился над потрепанной картой, в левом нижнем углу которой большим оранжевым многоугольником была обозначена запретная зона.

— Было бы очень неприятно завернуть ненадолго туда, — сказал он.

— Избави нас от этого, — с чувством проговорил сэнд, схватившись за амулет. — Нас бы обвинили в шпионаже и тогда... Но не думаю, чтобы нас занесло туда. Течение тянет гораздо севернее, так что...

— Можно обойти американские воды с севера, — заметил один из рыбаков.

— Пожалуй. Мы срежем американскую область вот здесь, — капитан взял другую карту. — И тогда до границы запретной зоны останется по крайней мере миль сорок.

По правде говоря, вопрос о запретной зоне волновал их очень мало. Гораздо более беспокоило их магическое сочетание слов «чужие воды», с которыми были знакомы еще их отцы. «Чужие воды» означало, что плавать и ловить рыбу в данном месте нельзя и что существует поэтому вполне реальная опасность быть задержанными и отданными под суд в чужой недружелюбной стране. И сэндо рассудил, что, поскольку обратный путь в Японию все равно лежит через этот район, в пределах американской опеки, можно будет вообще воздержаться от лова, а в случае чего они отговорятся невозможностью определить свое местоположение на таком удалении от берегов.

И они пошли на запад, по ночам ставили сети, на рассвете брали то небольшое, что в них попадалось, и снова двигались дальше. Так прошла неделя. Рыбаки работали уже без всякого энтузиазма, мечтая только о том, чтобы вознаграждения за улов хватило для расплаты с хозяином за взятые в кредит продукты и одежду. Полуторамесячная добыча едва покрывала дно засольного трюма.

Ночь с двадцать восьмого февраля на первое марта ничем не отличалась от десятка прежних ночей. Было тихо, на бархатном, угольно-черном небе мерцали яркие звезды, дул легкий приятный ветерок. Команда только что закончила ставить сети и расположилась на ранний завтрак прямо на палубе. Стучали палочки о чашки, кто-то мурлыкал песню. Капитан и радист Кубояма беседовали вполголоса, присев на поручни галереи позади рубки. По обыкновению недовольно ворча, из машинного люка вылез механик Ямамото, вытирая ветошью замасленные пальцы. Сэндю взобрался на корму и озабоченно осматривал сломавшийся вчера ворот для подъема тралов. А вокруг расстилался бескрайний океан, черный, как небо, с такими же мерцающими в его глубине блестящими искрами. И вдруг...

Мертвый, бело-фиолетовый свет мгновенно и бесшумно залил небо и океан. Ослепительный, более яркий, чем внезапная вспышка молнии в темном грозовом небе, невыносимый, как полуденное тропическое солнце, он со страшной силой ударил по зрительным нервам, и все, кто находился на палубе «Счастливого Дракона», одновременно закричали от режущей боли в гла-

зах и закрыли лица руками. Когда через несколько секунд они осмелились вновь открыть глаза и посмотреть сквозь чуть раздвинутые пальцы, у них вырвался новый крик — крик изумления и ужаса. Небо и океан на юго-западе полыхали зарницами всех цветов радуги. Оранжевые, красные, желтые вспышки сменяли друг друга с неимоверной быстротой. Это невиданное зрелище продолжалось около минуты, затем краски потускнели и слились в огромное багровое пятно, медленно всплывшее над горизонтом. И чем выше оно поднималось, тем больше разбухало и темнело, пока наконец не погасло окончательно. Тогда наступила тьма.

Ошеломленные рыбаки некоторое время еще смотрели в ту сторону, затем переглянулись и заговорили все разом.

— Что это? Уж не солнце ли?

— Солнце утром на западе? Ерунда... И потом, это гораздо больше солнца!

— Я знаю, что это! Это маневры, стреляли линкоры!

— Это атомная бомба, вот что это такое, — заявил Ямамото.

— Если это атомная бомба, то где же грибовидное облако?

— Его не разглядеть в темноте. Но это был атомный взрыв, бьюсь об заклад...

Все повернулись к капитану. Но Цуцуи был растерян не менее других. Он пожал плечами и механически поднял к глазам часы. Без десяти четыре. Что же это могло быть? Сэндю шептал заклинания, отгоняя беду. Кубояма, сняв очки, протирал стекла краем головной повязки. Он раскрыл рот, чтобы сказать что-то, и в этот момент до «Счастливого Дракона» докатился грохот. Он не был похож ни на гром, ни на пульсирующий гул артиллерийской канонады. Чудовищный вал густого, тяжелого звука обрушился на шхуну, и она заметалась в его протяжных раскатах. Мелкой дрожью тряслась палуба, скрипела обшивка, дребезжали стекла в иллюминаторах рулевой рубки. Рыбаки зажимали уши, падали на колени.

— Кувабара! Кувабара!* — завывал сэндю, схватившись руками за щеки.

Но вот кончился и этот звуковой ад. Все стихло. Снова зашелестел ветерок в снастях, снова стал слышен плеск мелких волн у бор-

* *Восклицание ужаса.*

тов «Счастливого Дракона». Цуцуи, бледный, с трясущимися губами, спрятал часы в карман. От момента вспышки до звука прошло не менее десяти минут! Первым опомнился сэндю.

— К выборке сетей, живо! — заорал он.

Работали все, даже радист и капитан, молча и торопливо. Никто больше ни о чем не спрашивал. Было ясно: случилось такое, чему они не должны были быть свидетелями. Нужно уходить отсюда и уходить как можно скорее. Но страшные сюрпризы еще не кончились. Было около семи, и восток уже окрасился мягкими красками ясного погожего утра, когда кто-то крикнул:

— Что такое? Смотрите!

Серая туманная пелена обволакивала небо с запада. Она медленно распространялась навстречу восходящему солнцу, размывала и поглощала четкую линию горизонта, плотной завесой вставала между глазами и изумрудным небом. Это не был туман, и все поняли это, когда на палубу, на сети, на руки и плечи стала оседать мельчайшая

беловатая пыль. Она беззвучно падала сверху и покрывала корабль, клубилась в ленивой теплой воде океана вокруг шхуны. Ее становилось все больше и больше, и вот уже не стало видно ничего, кроме массы медленно падавшего порошка, похожего на рисовую пудру. И порошок этот был горячий!

— Небо горит! — суеверно прошептал сэндю. — Пепел горящего неба! Они подожгли небо, оно горит, и пепел сыплется на нас!

— Пепел горящего неба!

— Скорее! Скорее! — сэндю осип от крика.

Рыбаки, чихая и кашляя, размазывая белый талькообразный порошок по потным лицам и отхаркивая его из легких, с удвоенным рвением принялись за работу. Через два часа сети были подняты. «Счастливый Дракон», неся на палубе полуметровый слой «небесного пепла», полным ходом пошел на север, и из рулевой рубки лишь с трудом можно было различить бушприт, зарывающийся в непроницаемую мглу.

НИСИКАВА-САН НЕДОВОЛЕН

«Счастливый Дракон» вернулся в родной порт четырнадцатого марта. Опытный взгляд Нисикава, всегда самолично выходившего встречать свои шхуны, сразу определил: дело плохо. Шхуна с хорошим уловом не может иметь такую мелкую осадку. Опасения его подтвердились, когда стало возможно различить лица рыбаков, они были угрюмы и не выражали должной радости по случаю благополучного возвращения. Было в этих лицах и еще что-то, странное и необычное, но что именно — Нисикава вначале никак не мог определить. Через четверть часа шхуна пришвартовалась к пирсу, и команда кинулась в толпу встречающих. Послышались радостные восклицания, поцелуи, расспросы, смех и шутки. Нисикава вздохнул и неторопливо пошел к борту. Сэндю Мисаки и капитан Цуцуи помогли ему взойти на палубу и вскарабкаться в рулевую рубку.

Капитанская каюта на стотонной шхуне — далеко не лучшее помещение для степенной беседы. Узкая дверь из рулевой рубки ведет в душную прямоугольную каморку с крохотным иллюминатором в дальней стене. Света от иллюминатора

мало — снаружи его загораживает выхлопная труба дизеля. Слева расположены одна над другой две койки-ящика для капитана и сэндю, справа — ящик, вернее шкафчик, служащий одновременно и столом. На нем в беспорядке разбросаны карты, старые газеты, документы. Проход между койками и шкафчиком доступен только не очень полному человеку. Но Нисикаве не терпелось узнать подробности очередной неудачи. К тому же в свое время он сам был капитаном, и каюта на «Счастливом Драконе» была ему не в диковинку. Поэтому он решительно втиснулся в проход и грузно опустился на койку. Цуцуи и Мисаки расположились на столе-ящике напротив. С минуту хозяин молча глядел на провинившихся.

— Ну? — спросил он наконец. — Чем порадуете?

Капитан понурил голову. Сэндю смущенно пригладил жесткие волосы ладонью, обмотанной грязным бинтом, и сокрушенно вздохнул.

— Должен с большим сожалением сообщить, — начал он, — что...

— Постойте-ка, — перебил вдруг Нисикава, нагибаясь вперед и всматриваясь в их лица. — Что

это вы так почернели? Загар, не загар... Никогда не думал, что человек может так загореть.

Капитан и сэндо переглянулись и пожали плечами.

— Не знаю, — пробормотал капитан. — У нас все так. Загар, разумеется, Нисикава-сан. Ведь мы ходили далеко на юг, за Маршалские острова.

— Нет, это не загар, — сказал Нисикава. — А что у вас с руками, Мисаки-сан?

— Нарывы, — неохотно отозвался тот. — У многих высыпали гнойники... почти у всех. Под ногтями, в ушах, в волосах. Замучились совсем. Думали, уж не бери-бери ли это.

— Может, бери-бери, а может быть, и нет, — сказал Нисикава, нахмурившись. — Видал я уже такие вещи. Удивительно похоже на гэнбакусе — заболевание от атомной бомбы. Но откуда оно у вас могло взяться?

— Какая там атомная болезнь, — досадливо махнул рукой сэндо, — поедим свежего лука, и все как рукой снимет. Это все пустяки. Вот нам придется огорчить вас, Нисикава-сан.

— Говорите.

— Нам удалось взять всего девять тонн тунца.

Нисикава резко откинулся назад, больно стукнувшись головой о край верхней койки. Впрочем, боли он не почувствовал.

— Всего девять тонн? Вшестеро меньше обычного? Да что это с вами?

— Да, всего девять тонн. Но это еще не все, — сэндо прямо, с мужеством отчаяния взглянул хозяину в глаза. — Мы потеряли сто восемьдесят тралов. Половину наших сетей.

Несколько минут прошло в тяжелом молчании. Нисикава думал. Затем он спокойно сказал:

— Ну что ж, бывало и хуже. Только... Это все, что вы хотели рассказать мне?

Капитан встрепнулся и вопросительно посмотрел на сэндо. Тот неохотно пробормотал:

— Собственно, это все... Насчет рыбы, конечно. Но нам еще пришлось видеть странные вещи на океане. Странные и страшные. Ночью...

— Я так и знал, что что-то случилось, — сказал Нисикава, вставая. — Такой пустяковый улов... Шутка ли? Девять тонн! Меня засмеяли бы у нас в Яйдзу, если бы у вас не было оправдания. Я пошел. Сегодня прошу вас обоих и радиста к себе на ужин. Там поговорим обстоятельно. Девять тонн, подумать только! Сгружайте рыбу.

Он уже протискивал свой обвисший живот через дверь, когда снаружи донеслась отчаянная брань. Кто-то ругался с портовым инспектором по поводу состояния двигателя шхуны, и Нисикава невольно остановился, ошеломленный этим потоком рыбацкого красноречия, густо пересыпанного английским сквернословием. Потом ухмыльнулся и спросил:

— Механик?

— Да... Ямамото, — отозвался сэндо. — Ему бы вышибалой быть...

— Механик он очень хороший, — вступился капитан. Нисикава сгорбился и, кряхтя, вылез из каюты. Цуцуи вздохнул и хотел что-то сказать, но Мисаки вдруг выругался совершенно как Ямамото.

— Нисикава-сан сердится! Нисикава-сан недоволен! Девять тонн! Шестая часть! Да я за всех тунцов в океане и за все сети в Яйдзу не согласился бы повторить нынешнее плавание, провались оно пропадом. Ха, страшно и вспомнить...

Он сорвался с места и выскочил на палубу. Через несколько секунд он уже метался среди рыбаков, рассыпая приказания. Началась разгрузка улова.

Необычайно темный цвет лица был не только у капитана и сэндо, и заметил это не только Нисикава. Первое, что слышал каждый из рыбаков «Счастливого Дракона», здороваясь с родными, было: «Где это ты так почернел?» Рыбаки неловко отшучивались, а один из них, выведенный из себя, выкрикнул раздраженно, с обидой в голосе:

— Легко болтать языками, а вот посмотрел бы я, как почернели бы вы все, если бы увидели, как горит небо!

Все рыбаки на свете, как и все мореплаватели, не прочь покичиться пережитыми опасностями и удивительными приключениями, и при этом, как известно, они нередко теряют чувство меры. Так было всегда и везде, и рыбаки Яйдзу не представляют в этом отношении исключения. Но на этот раз случай был слишком необычным, чтобы казаться досужей выдумкой, и вечером в двух десятках домов в Яйдзу родные и знакомые, затаив дыхание и разинув рты, слушали рассказы очевидцев о том, как горело и осыпалось ночное небо в далеких южных морях.

В доме Нисикавы хозяин дождался, пока палочки гостей улеглись в пустые чашки, ото-

Поэзия

ЧЕРЕМУХА

Брату Алеше

*Над сопками и над слияньем рек
Вставало солнце, рассыпая радуги,
И зернышком в прозрачной виноградинке
Угадывался в утре человек.*

*Вот мостиком прошел он над рекой...
Он что-то нес: оно белело, пенясь.*

*Легко сбежал с пригорка,
подбоченясь —
Так неуклюже! — правую рукой.*

*Он подходил — и смог я различить:
Черемуху он нес, по-детски кроток,
Так нежно и с опаской,
словно кто-то
Хотел его с букетом разлучить.*

*Он в левой нес. А правая была...
Да у него и не было-то правой:
Рукав пустой был под ремень заправлен.*

Ах, как в тот год черемуха цвела!

*С нелепо укороченным плечом
Шел человек. Он явно волновался.
Он, будто открываясь, улыбался
И припадал к черемухе лицом.*

*Шел у домов, охрипших от забот,
Ларек миную, голубой, как небо,
Где очередь ждала угрюмо хлеба, —
С черемухой.*

На солнце.

На восход.

*И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе*

вдыхала тяжело

И все глядела вслед из-под руки.

*Смотрели дети, вдовы, старики —
Так удивленно, словно бы впервые
За всю войну*

ликующе живые

Черемуха роняла лепестки.

Михаил АСЛАМОВ

слал из комнаты жену, выложил на столик пачку сигарет и предложил капитану рассказать о плавании.

— Как вам известно, Нисикава-сан, — начал Цуцуи, — вышли мы из Яидзу в середине января...

— Мы шли, не останавливаясь, до самого Яидзу — так мы были испуганы, — закончил капитан. — И это было нелегко, так как через два дня заболел Ямамото. Мне самому пришлось смотреть за машиной.

— Что с ним было, с этим механиком? — спросил Нисикава, давно уже встревоженно поглядывавший на сидевшего справа от него радиста.

— Его рвало, болела голова, он несколько дней отлеживался, не принимая ни воды, ни пищи. Вместе с ним заболело еще несколько человек. Потом они оправились.

— Тогда же и начались у нас эти проклятые нарывы, — вставил сэндю, — а у Кубоямы-сан даже гной какой-то пошел из ушей.

— Почему же вы... Кубояма-сан, что с вами? — с беспокойством спросил вдруг Нисикава.

Радист с видимым усилием поднял веки, обвел всех бессмысленным взглядом и тряхнул головой.

— Слабость какая-то, извините, Нисикава-сан, — виновато пробормотал он.

— Может быть, вам следует отдохнуть?

— Нет-нет, не обращайтесь на меня внимания, прошу вас.

Нисикава кивнул головой и снова повернулся к капитану и сэндю.

— А вам не приходило в голову тогда, первого марта, попробовать установить связь с какой-либо радиостанцией и узнать, что произошло.

— Видите ли, хозяин, — после короткого раздумья сказал капитан, — ближайшие радиостанции находились, вероятно, в запретной зоне. И избави бог, если бы они засекали нас. Хотя, по нашим расчетам, до границы зоны оставалось еще не менее двух десятков миль, но мало ли что могло случиться? Вам ли не знать американских дьяволов с их грубостью и настойчивостью? Нас бы мигом запеленговали, задержали, и мы долго не увидели бы родных берегов.

— Может быть, вы и правы... Да, может быть, вы и правы. И все-таки... — Нисикава с сомнением покачал головой и замолк.

— Самое главное, конечно, — изображая на своем лице почтительную улыбку, поспешно сказал сэндо, — мы очень не хотели подвести хозяйна. Ведь и без того «Счастливый Дракон» принес вам много убытков, Нисикава-сан, не правда ли?

Нисикава помолчал с приличествующей случаю важностью, затем вздохнул и веско заметил:

— Убытки мне в этот сезон принес не только «Счастливый Дракон». Ни одна из моих шхун не добыла и половины того, что добыто в прошлом году. Но все же шестую часть улова не привозил никто, кроме вас.

Он помолчал, рассеянно вертя в пальцах длинный бамбуковый мундштук.

— Конечно, то, что вы видели и пережили, в известном смысле оправдывает вас. Но вы понимаете, что мириться с таким уловом я не могу. Не будь у вас этих черных пятен на лице и на руках... и этих болячек, конечно, я бы завтра же заставил вас готовиться к новому плаванью. Ведь вы не оправдали даже расходов на рейс.

— Осмелюсь спросить, — сказал сэндо, — вы будете вычитать из заработка команды то, что они забрали в кредит?

— Не знаю... Подумаю, — ответил Нисикава. Он налил себе сакэ, отхлебнул и поморщился: — Остыло... Не знаю. Смотря по тому, какую цену будут давать в этом году за тунца. Возможно, мне еще удастся выскочить, если и не с прибылью, то без больших убытков. Тунец, по-моему, неплохой.

— Очень хороший тунец, Нисикава-сан, — подхватил сэндо. — Но что дадут за него, вот вопрос?

Нисикава налил себе еще чашку сакэ и протянул бутылку капитану.

— Мне не хотелось бы выговаривать вам, но, как мне кажется, во всем, что произошло, чувствуется какая-то нерадивость с вашей стороны, Мисаки-сан. Да и с вашей, капитан.

Капитан и сэндо склонили головы, смиренно принимая упрек и готовясь к самому худшему. Но в этот момент Кубояма захрипел, словно задыхаясь, запрокинул голову и упал навзничь. Глаза его были закрыты, в сером лице ни кровинки, в углах черных губ выступила пена. Все вскочили. Нисикава торопливо отодвинулся от столика и крикнул жене, чтобы принесли холодной воды.

— Нужно скорее позвать доктора, — проговорил капитан, стоя на коленях возле тела радиста, — и сообщить родным. Я никак не могу нащупать у него пульса.

Пока Нисикава отдавал служанке распоряжения, капитан с помощью сэндо перенес Кубояму на веранду и уложил на циновку. Больному разжали зубы и влили в рот несколько ложек воды. Он закашлялся, сморщился и открыл тусклые глаза. Губы его шевельнулись, и склонившийся над ним Цуцуи разобрал:

— ...Плохо... Скажите Сюн...

Нисикава-сан сказал глубокомысленно:

— Вам всем необходимо немедленно обратиться к врачу.

ДОКТОР МИКАМИ

Директор госпиталя Токийского университета доктор Миками Йосиро не любил и боялся американцев. Не то чтобы им владели предрассудки расового свойства, которые могли бы питать его ненависть ко всему, что приходит на японские острова извне. Нет, для этого он был вполне современным человеком и в высшей степени пренебрежительно отзывался о тех исторических деятелях своей страны, которые в прошлом веке упрямо ограждали Японию от всего иноземного. Он искренне считал их основными виновниками бедствий, обрушившихся на Страну восходящего

солнца в течение последних полутора десятков лет.

Если бы кому-нибудь пришло в голову и удалось вызвать доктора Миками на откровенность, он, вероятно, рассказал бы о двух случаях из своей жизни.

Первый произошел в 1927 году, когда он учился в одном из крупнейших университетов в США. Однажды какой-то весьма посредственный студент, член «Американского легиона», нисколько не стесняясь его присутствием, громко сказал о нем: «Талантливая макака!» Все, кто

слышал это, даже те, кого он считал добрыми товарищами, расхохотались. Его самолюбие японца было уязвлено, хотя он убеждал себя, что презирает эту грубую выходку завистливого дурака.

Другой случай относится к сентябрю 1945 года. Он стоял у окна госпиталя и с ужасом глядел на то, что еще так недавно казалось невероятным: американские войска на улицах Токио. По городу проходили части Первой «кавалерийской» дивизии. Джипы и танки, облепленные здоровенными солдатами в касках набекрень, с ревом и грохотом катились бесконечной чередой. Один из танков, неуклюже развернувшись на повороте, сбил фанерный киоск продавца цветов, к счастью пустой. Хохот, свист, улюлюканье заглушили даже лязг металла. Доктор Миками поспешно отошел от окна. Теперь в его сердце рядом с неприязнью прочно поселился страх. Чудовищные, беспощадные бомбардировки — это война, это можно понять, а вот как сбить железной машиной маленький киоск и веселиться по этому поводу — это уже нечто от беззакония, от хулиганства.

Хулиганы на танках! Может быть, и атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки они сбросили из хулиганства, как мальчишка стреляет из рогатки в стеклянную витрину? Иначе какой же смысл было наносить такие удары по истерзанной, обессиленной стране, у которой уже подогнулись колени?

Да, доктор Миками не любил и боялся американцев, и довольно частое общение с ними в последние годы не изменило этих его чувств к лучшему.

И теперь, восемнадцатого марта 1954 года, он растерялся, увидев в своем кабинете долговязого седого янки с сухощавым лицом, в куртке защитного цвета, заправленной в широкие брюки. Когда же он, приглядевшись, узнал гостя, его растерянность и досада только увеличились. Впрочем, он сразу овладел собой. Навстречу американцу из-за широкого стола не спеша поднялся маленький, спокойный японец, совершенно лысый, в прекрасно шитом европейском костюме. Гладкое лицо его, обтянутое пергаментной кожей, не выражало ничего, а черные глаза под толстыми стеклами черепаховых очков разглядывали гостя устало-равнодушно.

— Позвольте представиться, — сказал американец. — Нортон, начальник Хиросимского отделения АВСС*.

Он достал из нагрудного кармана документ, но доктор Миками поклонился учтиво и прижал руку к левому боку, давая понять, что ему не требуются никакие документы.

— Я уже имел удовольствие встречаться с вами, мистер Нортон, — сказал он. — Кажется, это было два года назад, мы виделись у нашего министра здравоохранения. Садитесь, пожалуйста. — Директор госпиталя прекрасно говорил по-английски, и только иногда мягкое «р», проскальзывающее вместо непривычного для японца «л», выдавало то обстоятельство, что этот язык не является его родным. Нортон с видимым удовольствием погрузился в кресло напротив Миками и вытянул ноги. Миками опустил на свой стул, пододвинул через стол гостю сифон и небольшой лакированный ящик.

— Содовая, сигареты, прошу вас.

— С удовольствием. А, «Лаки Страйк»? Со всем как в Штатах в добрые студенческие времена, не правда ли? Благодарю вас.

Американец закурил и начал:

— Вы, конечно, не очень удивлены моим посещением, мистер Миками?

— Во всяком случае, оно доставляет мне большую честь и большое удовольствие, — механически отозвался тот.

— Это после хлопотливого служебного дня? — рассмеялся американец. — Не будем тратить ваше драгоценное время на комплименты. С вашего разрешения я перейду прямо к делу.

— Прошу вас, мистер Нортон.

Но Нортон вдруг замаялся. Его почему-то смущала зеленоватая полутьма над бумажным абажуром настольной лампы, голые стены, непроницаемое, как маска, темное лицо хозяина, сидевшего очень прямо по ту сторону стола. «Ученый с таким именем и директор такого госпиталя мог бы иметь кабинет поуютней», — мельком подумал он и тут же рассердился на себя.

— Коротко говоря, — немного резко произнес он, — меня интересуют два пациента, поступившие к вам пятнадцатого.

* Комиссия по обследованию жертв атомной бомбы.

«Так оно и есть, — подумал Миками. — Теперь они не дадут нам покоя». Но лицо его по-прежнему оставалось усталым и равнодушным.

— Позволено ли будет мне узнать, мистер Нортон, с какой точки зрения они вас интересуют? И что именно вы хотите знать о них?

Лицо Нортон изобразило глубочайшее изумление.

— Разве вам не звонили из министерства иностранных дел? — спросил он растерянно.

Доктор Миками покачал головой:

— Не понимаю, какое отношение министерство иностранных дел может иметь к делам моего госпиталя.

— Значит, ваши чиновники опять все перепутали, — раздраженно сказал Нортон. — Факт тот, что я вынужден был вылететь сюда из Хиросимы по настоятельной просьбе ваших дипломатов, черт бы их побрал. Мне передали, что здесь находятся двое больных, которые... м-м... которые могут представлять для меня большой интерес. Причем добавили, что персонал вашего госпиталя не в состоянии не только лечить, но даже поставить диагноз, и что вы — вы лично, понимаете? — требовали приезда американских врачей.

Доктор Миками не проронил ни слова и не пытался перебить собеседника, и Нортон подивился стоическому спокойствию, с которым он снес эту пощечину.

— Как бы то ни было, — после короткой паузы продолжал американец, — будем считать это просто досадным недоразумением и обратимся к делу. Меня интересует все об этих больных: обстоятельства их заболевания, ход болезни, как они попали к вам, какие меры вами приняты и так далее.

— Прежде всего, — безразличным тоном заговорил Миками, — считаю своим долгом заверить вас, мистер Нортон, что я ни в коей мере не виновен в этом, как вы его называете, досадном недоразумении. По-видимому, у дипломатов имелись достаточно веские основания, чтобы обратиться по делам здравоохранения, минуя наше ведомство, прямо к оккупационным властям (Нортон поморщился, но Миками сделал вид, что не заметил своей оговорки). Хотя я представить себе не могу, почему оно так заинтересовалось этими больными. Но раз уж так вышло, ничего не поделаешь. Только... — японец недоуменно

пожал плечами, — не вижу, чем, собственно, могу быть вам полезен. Мы сами почти ничего не знаем, а то, что нам известно, весьма подробно и обстоятельно было изложено во вчерашнем номере «Йомиури». Вы, несомненно, читали эту статью и...

— Виноват, коллега, — перебил Нортон и криво улыбнулся, — к сожалению, мне приходится признаться, что японским языком, а тем более японской письменностью я владею пока очень слабо, поэтому упомянутой вами статьи не читал. Но самое главное не в этом... — тут Нортон нагнулся над столом и заговорил медленно и отчетливо, глядя собеседнику прямо в глаза. — Вы должны твердо понять, что с помощью американской науки вы смогли бы более успешно выполнить свой долг по отношению к этим вашим пациентам, а также и по отношению к другим, которые, вне всякого сомнения, скоро окажутся на руках японской медицины. Насколько нам... мне известно, общая картина заболевания очень напоминает... м-м...

Американец сделал паузу, но ожидаемой реплики не последовало. Он закончил сухо:

— Одним словом, если вас это не затруднит, коллега, мне очень хотелось бы разузнать подробности этого дела и осмотреть пациентов.

Директор госпиталя понял теперь все. Понял он и то, что уклоняться дальше от ответов на вопросы этого наглеца будет невозможно. Речь шла о слишком серьезных вещах. И снова проклятый страх зашевелился под ложечкой. Он вздохнул, взглянул на часы, демонстративно покосился на кучу писем и официальных бумаг на столе слева от себя (единственный знак протеста, который он смог себе позволить) и поднял глаза на гостя.

— Хорошо, мистер Нортон. Если вы так настаиваете... Что вас интересует прежде всего и больше всего?

Нортон улыбнулся широко и весело и потер ладони.

— Начнем по порядку, дорогой коллега, — сказал он. — Как случилось, что рыбаки из Яидзу попали к вам? Кто их надоумил?

— Им посоветовал обратиться к нам мистер Оои, городской врач Яидзу. Вам, оказывается, известно, что пациенты прибыли оттуда?

— Да, я это знаю. Кстати, далеко этот Яидзу от Токио?

— В четырех часах езды. Маленький при-морский городок около Сидзуока. Так вот, доктор Оои предположил сначала, что у них бери-бери. Внешние симптомы были как будто налицо: потемнение кожи, нарывы, гнойные выделения и так далее. Но было и другое, чего Оои объяснить никак не мог. У судебного механика Ямамото прядями выпадали волосы. Больные не испытывали характерной для бери-бери ломоты в суставах. Они испытывали страшную слабость и отказывались от воды и пищи. В распоряжении Оои не было почти никаких средств для производства необходимых анализов. Но он имел дело с бери-бери почти всю свою жизнь, и ему стало ясно, что эта болезнь незнакома ему. Он послал двух пациентов — механика Ямамото и рыбака Масуду — к нам с письмом.

— Двух?

— Да, остальные остались у него в больнице. Двадцать один человек.

— И вы, разумеется, сразу поняли, что это за болезнь?

— Нет, не сразу.

Миками теперь не испытывал ни малейших сомнений относительно того, что американцу прекрасно известно все о «Счастливом Драконе». Непонятно было только, чего он хочет от директора госпиталя. Но Миками был терпелив и осторожен. Он выдвинул один из ящиков стола и, роясь в нем, продолжал:

— Никаких возбудителей болезни найти не удалось. Но сразу бросились в глаза два обстоятельства. Во-первых, необыкновенная бедность крови лейкоцитами, во-вторых, ненормальное содержание белка в моче. Это, конечно, ничего не объясняло, и я обратился к обстоятельствам, предшествовавшим заболеванию.

— Что сами пациенты думают о своей болезни?

— О, они ничего не могли сказать. Так же, как и я... тогда.

Нортон быстро взглянул на Миками. Тот вертел в руках, складывая и разворачивая листок бумаги, который он достал из стола.

— Вы хотите сказать, что теперь...

Миками кивнул головой.

— Вот именно, мистер Нортон. Я вспомнил кое-какие газетные сообщения... Кажется, это было полмесяца назад, если я не ошибаюсь, и

сопоставил симптомы таинственного заболевания с некоторыми явлениями, свидетелями которых оказались рыбаки во время своего последнего плавания, а также с данными одного документа, случайно сохранившегося у меня со времен войны. Это дало мне возможность сделать кое-какие выводы. Я не берусь утверждать, что мне ясно все, но просвет уже есть.

Наступило молчание. Нортон старался справиться с мыслями. Эта желтая пигалица оказалась хитрее, чем он предполагал. Знает ли Миками, что произошло в действительности? Нет, это исключено. Разве только, если он связан с врачами на Кваджелейне... Совершенно невозможно. Как бы то ни было, он, по-видимому, напал на верный след. Что ж, это по существу ничего не меняет. Все равно нужно будет открыть ему карты. Но какова bestия!

— Вы упомянули о некоторых явлениях, коллега, — сказал Нортон. — Не откажите в любезности...

Доктор Миками рассказал все, что ему было известно со слов рыбаков.

— После этого на них посыпался белый, похожий на муку порошок, — закончил он рассказ о злоключениях «Счастливого Дракона». — Пепел горящего неба, как они говорят. Он густо сыпался сверху, словно снег.

— Совершенно верно, — американец удовлетворенно кивнул. — Порошок, похожий на муку. Значит, первого марта они находились в районе Маршалльских островов, вы сказали?

— Ямамото утверждает, что их шхуна находилась в это время милях в ста двадцати к востоку от Бикини. Впрочем, мне думается, они были гораздо ближе.

— Почему? — насторожился Нортон.

— Трудно себе представить взрыв такой мощности, чтобы радиация его причинила серьезные поражения на расстоянии в сотню миль, — спокойно сказал Миками.

— Значит, вы полагаете, коллега, — быстро сказал Нортон, — что они были ближе к месту взрыва, чем говорят?

Снова в кабинете воцарилась тишина. Доктор Миками взял сигарету, закурил, внимательно следя за сизыми струйками дыма под зеленым абажуром.

«Значит, это действительно был взрыв. Американец даже не заметил, кажется, что мы говорим о нем открыто».

Поэзия

ДОЖДЬ. 1946-й

*Мне снился дождь. Светло и прямо
он с неба падал мне на лоб...*

И я проснулся.

*Потолок
сочился, и дрожали рамы,
и было в комнате светло
от молний, бьющихся в стекло.*

Мне снился дождь.

*Я, просыпаясь,
еще во сне минуту жил:
спросонок лодочкой сложил
ладони.*

*В руки просыпались
дождейки —*

*с потолка текло,
и ветер выдувал тепло,
и я от холода дрожал.
Над простыней, как над песками,
дождейки в пригоршине держал,
все боялся — расплескаю...*

Мне снится детство.

*На весу
в ладонях —
океан ледовый.*

*В прозрачной лодочке ладоней
я всю беду мою несу.*

*Беду несу в своих руках —
возьми беду, Миус-река,
поглубже спрячь ее, до дна...*

*А вдруг да выплывет она?
Я закопал беду в лесу,
тяжелой привалил плитой,
а детство
в лодочке ладоней,
не расплескав,
всю жизнь несу.*

Юрий КАШУК

— Конечно, это только мое предположение, мистер Нортон, — сказал наконец он. — Но мне ясно одно: несчастные рыбаки оказались случайно вблизи от полигона, где ваши соотечественники испытывали какую-нибудь ужасную военную новинку. В результате — характерная болезнь: выпадение волос, нарывы на теле, слабость, уменьшение числа лейкоцитов. Я обратился к одному старому документу, он сохранился у меня с тех времен, когда я работал с жертвами Хиросимы и Нагасаки. — Миками мельком просмотрел бумагу, лежавшую теперь перед ним на столе. — Вот, пожалуйста. Это история болезни некоего Асадзе Тадати, умершего в начале сорок шестого. Симптомы совпадают полностью. Интересуетесь?

Нортон покачал головой.

— У меня в отделении огромный архив подобных бумаг. Должен признать, что ваша логика безупречна.

— И ваш вывод?

— Несомненно, они поражены жесткой радиацией. — Но интересно, — продолжал Нортон, — что вы думаете об этом пресловутом пепле? Какую он играет роль в вашей логике?

Доктор Миками пожал плечами:

— Право не знаю, мистер Нортон. Вы слишком многого хотите от меня. Я ведь всего-навсего обыкновенный терапевт... Масуда привез нам немного, грамм пятьдесят. Обыкновенный известняк, больше ничего.

Рука американца с сигаретой остановилась на полпути ко рту.

— Известняк... — медленно проговорил он и вдруг торопливо закивал головой. — Да, разумеется, известняк, мел, кораллы... И вы не заметили в нем ничего особенного?

— Особенного? Нет. А вы полагаете, что он, этот известняк, имеет какое-нибудь отношение...

— О'кей, коллега, — Нортон притушил сигарету в пепельнице и выпрямился. — Теперь мне все совершенно ясно, и я могу рассказать вам, что случилось.

Доктор Миками вежливо-удивленно поднял реденькие брови.

— Дело в том, — продолжал Нортон, — что вы оказались очень недалеко от истины, предположив, что ваши рыбаки явились жертвой мощного радиоактивного излучения. Но это не была

жесткая радиация, хотя, возможно, пациенты были недалеко от этого. Вы, очевидно, читали в газетах, что первого марта на небольшом атолле в районе Бикини было проведено испытание нового сверхмощного вида вооружения — термоядерной, или, как ее чаще называют, водородной бомбы.

Голос американца звучал почти патетически. Миками слушал с обычным вежливым вниманием.

— Чудовищной силы взрыв, — продолжал Нортон после эффектной паузы, — измельчил в порошок атолл, поднял миллионы тонн этого порошка на воздух и разбросал на сотни миль вокруг. («Небесный пепел», — пробормотал Миками). Это и был небесный пепел, совершенно верно. Но самым страшным оказалось то, что этот пепел — не просто известковая пыль. Вы знакомы с основами ядерной физики? Нет? Жаль. Постараюсь объяснить популярно. Температура в десятки миллионов градусов, возникшая в момент взрыва, придавала элементарным частицам — продуктам взрыва термоядерной реакции — такие скорости, что они получили возможность проникать в ядра атомов всех веществ, находящихся в районе взрыва. В ядра атомов солей океанской воды, газов, из которых состоит воздух, а также в ядра атомов, входящих в состав коралла и материалов, из которых была построена оболочка бомбы. Как правило, всякий атом, ядро которого захватило постороннюю частицу, становится радиоактивным. Теперь вы понимаете, коллега? Излучение непосредственно от взрыва могло и не угрожать рыбакам, поскольку оно поглощается на сравнительно небольших расстояниях от эпицентра. Но масса радиоактивной коралловой пыли, посыпавшаяся с неба, оказалась для них роковой. По виду она ничем не обнаруживала своих страшных свойств. И несчастные вдыхали ее, поглощали с пищей, она забивалась в уши, в глаза, в складки кожи... Они не смывали ее, вероятно, в течение нескольких дней. Они плыли домой, а радиация делала свое дело и только теперь ее действие стало сказываться в полной мере. Можно представить себе, как молекула за молекулой в клетках живого человеческого организма рушится под ударами смертельного излучения, как...

— Мне все ясно, мистер Нортон, — морщась, как от боли, прервал его Миками. — По-моему, если позволите, это очень похоже на преступление.

Нортон насупился.

— Громкие слова, коллега, громкие слова, — сказал он. — Преступление... Я бы сказал, несчастный случай. Вашим рыбакам просто не повезло, вот и все. И если это вас утешит, пострадали не только они. Проклятой пылью были осыпаны все близлежащие атоллы, в том числе два или три обитаемые. Поражено более двух сотен туземцев и несколько американцев. Американцев, коллега! Правда, их сразу отправили в госпиталь на Кваджелейн, и их состояние, кажется, уже не вызывает опасений. Если бы капитан «Счастливого Дракона» догадался подать сигнал бедствия, с его экипажем тоже все было бы в порядке. И потом, кто виноват, что они забрались в запретную зону? Не смотрите на меня так, будто я виноват во всем случившемся. Конечно, наши военные проявили известную неосторожность. Но наше дело — лечить, а не разбираться в этих спорных вопросах. Скажите, пожалуйста, коллега, как вы намерены лечить этих людей? Насколько мне известно, у вас и у вашего персонала нет ни необходимых знаний, ни оборудования, ни медикаментов. Или я ошибаюсь?

Директор госпиталя склонил голову в знак того, что гость не ошибается. Помедлив немного, сказал:

— Убедившись в правильности моих догадок относительно природы их заболевания, я сразу же решил обратиться к профессору Удзуки. Сегодня я звонил к нему и просил зайти, но... — Миками был настолько раздражен, что позволил себе подпустить собеседнику шпильку, — у господина профессора Удзуки, вероятно, и без того слишком много дел подобного рода. Он так и не пришел.

Американец и бровью не повел.

— Да, — спокойно подтвердил он. — За последнее время в отделения нашей комиссии поступили новые партии жителей Хиросимы и Нагасаки с рецидивом лучевой болезни. Но мистер Удзуки не пришел к вам по другой причине.

— А именно?

— По предложению властей он подготавливает для экипажа «Счастливого Дракона», в том числе и для ваших пациентов, места в Первом национальном госпитале.

К разочарованию Нортон Миками только слегка пожал плечами. Выражение его лица не изменилось.

— Не будет ли нескромностью с моей стороны спросить, — спокойно произнес он, — кто санкционировал перевод моих пациентов в Первый госпиталь? Административное бюро штаба американских войск?..

— Не могу точно сказать, коллега, — едва сдерживаясь, сказал Нортон. — Кажется, ваш департамент здравоохранения, или как его там... Вы еще получите указания, я пришел только предупредить вас и взглянуть на больных. Завтра я со своим помощником вылетаю в Яидзу и осматриваю остальных. Через два-три дня все они должны быть в Токио. В Первом госпитале больные будут находиться под постоянным наблюдением лучших специалистов мира по лучевым болезням, американцев и японцев, вашего Удзуки в том числе.

— Еще один вопрос, мистер Нортон, если позволите. Насколько я понял, профессор Удзуки не почтил меня своим посещением потому, что взять на себя этот труд решили вы. Не скажете ли, чему я обязан...

Нортон расхохотался. Потом сказал внушительно:

— Американская медицина должна исправить зло, невольно причиненное американской физикой. Дело должно взять на себя американские врачи, и я буду одним из них. Кроме того, мы считаем, что пристальное наблюдение за ходом болезни... и за ходом лечения, конечно, может дать мировой науке массу ценнейшего материала по особенностям радиоактивных болезней. Такой случай мы не можем и не должны упускать.

Положительно директор Миками сегодня удивлял самого себя. Он грубо, почти вызывающе сказал:

— Американские ученые будут экспериментировать с японскими морскими свинками? Так это следует понимать? А если морские свинки откажутся от экспериментов?

Нортон нахмурился.

— Повторяю, коллега, не надо тратить громкие слова. Все будет так, как должно быть. И не будете ли вы любезны показать мне моих будущих пациентов?

Гость и хозяин поднялись одновременно. У дверей японец задержался, пропуская вперед американца. Острые черные глаза под толстыми стеклами больших очков были полуприкрыты набрякшими веками: Миками боялся, что гость прочтет в них страх и ненависть.

ЖЕРТВЫ

Масуду рвало. Его маленькое исхудалое тело судорожно изгибалось под простыней, на потемневшем лице, изуродованном желтыми буграми нарывов, выступил обильный пот. Давно уже полупереваренные остатки завтрака были в тазике, подставленном служителем, а спазмы все продолжали сводить его горло, хотя из раскрытого рта текла только тягучая липкая слюна. В промежутках между спазмами Масуда громко и хрипло, со всхлипами, стонал и ругался:

— Тикусё... А, тикусё-мэ-э...

Остальные больные и служитель молчали. Капитан Цуцуи лежал, завернувшись в простыню с головой, сэндо Мисаки, сморщившись, тайком от служителя занимался запретным делом — выдавливал на руке зудевший гнойник. Механик Ямамото подобрал брошенную служителем газету и читал про себя, шевеля губами. Потом вдруг

приподнялся на локте и крикнул, не отрывая глаз от текста:

— О-ой, Цуцуи-сан! Сэндо!

Капитан высунул лицо из-под простыни. Сэндо, не оборачиваясь, прохрипел:

— Чего тебе, Тюдзи?

— Слушайте, что сказал о нас председатель американской атомной комиссии господин Рюис Стораус. Он заявил, что в момент взрыва «Счастливого Дракона» находился... э-э, где это? А, вот: «...находился западнее атолла Бикини в пределах двухсотмильной запретной зоны». Ну, не дурак ли этот янки? Не умеет отличить запада от востока...

— Пропади он пропадом со всеми атомщиками вместе, — слабым голосом отозвался Цуцуи. Лицо его перекошилось. Ямамото бросил газету.

— Болит? — сочувственно спросил он.

— Огонь у меня внутри, — Цуцуи скрипнул зубами и зарылся лицом в подушку.

Сэндо вытер пальцы о матрац, оправил простыню и солидно прохрипел, щуря слезящиеся глаза:

— Всякому дураку в Японии известно, что, когда взорвалась эта проклятая водородная штука, мы были миях в десяти к востоку от их зоны. Янки будут теперь выкручиваться, чтобы не платить убытки.

Масуду наконец перестало тошнить. Служитель обтер ему лицо влажной губкой и вынес тазик. Сэндо проводил его глазами и продолжал:

— Ничего, ребята, мы их заставим раскошелиться. Подадим на них в суд, а когда выйдем отсюда, у каждого будет тысяч по сто иен в кармане. Неплохо, а?

— Может быть, мы не выйдем, а нас вынесут? — все еще тяжело дыша, проговорил Масуда. — Мне все хуже и хуже... Умру, наверное...

— Может быть и так, — спокойно согласился Ямамото, — а ты, Носи, хоть и сэндо, а дурак. Сто тысяч, сто тысяч... На что мне твои сто тысяч, когда голова моя скоро будет голая, как детская задница, а мой желудок не держит ни рисинки? Или вот капитан. Посмотри, как он мучается. Ты бы хоть при нем постыдился говорить о деньгах. И Кубояма... Ему, говорят, совсем плохо. А ты знаешь только одно — деньги, деньги...

Сэндо не обиделся. Он выдернул у себя на макушке клочок волос и, дунув на них, разбросал возле койки.

— У меня тоже вылезают, — улыбнулся он. — Только быть лысому при деньгах лучше, чем быть волосатым нищим. Я куплю садик и буду разводить шелкопрядов.

— Шелкопрядов в Яидзу не разведешь. — Ямамото достал из тумбочки сигареты и спички. — Да и что рыбак понимает в шелкопрядах? Лучше купить моторную лодку и выходить за кальмарами.

Сэндо хотел возразить, но в коридоре вдруг послышались шаги, дверь распахнулась и в палату вошли несколько человек в белых халатах. Очевидно, это были врачи, хотя случалось, что столь же бесцеремонно входили к больным и репортеры. Ямамото сразу узнал длинного седого

американца, который осматривал его и Масуду неделю назад.

Американец этот, возвышавшийся среди других на целую голову, вошел вслед за двумя японскими врачами, остановился у койки Масуды и окинул палату быстрым внимательным взглядом. Его сопровождал низкорослый японец, по-видимому нисэй*, в американской военной форме без знаков различия, видневшейся из-под распахнутого халата, и еще два янки с чемоданчиками из блестящей кожи в руках. Видно было, что они смущены и стараются скрыть это. Некоторое время все молчали. Больные с враждебным любопытством рассматривали иностранцев. Врачи-японцы стояли поодаль с бесстрастными холодными лицами, словно желая показать, что в этом визите они играют только подчиненную роль.

— Хау ар ю гэттинг он, бойз? — спросил долговязый, обращаясь, судя по направлению его взгляда, к больным.

— Как поживаете? — негромко перевел один из врачей-японцев, опустив фамильярное «бойз» — «ребята».

Ямамото отвернулся, Масуда закрыл глаза. Цуцуи сделал попытку приподняться, но с глухим стоном снова упал на подушку. Только сэндо, оскалив желтые зубы, бросил:

— Очень плохо.

— А, варуй, варуй, — уловив знакомое, видимо, слово, закивал долговязый. Янки у дверей за улыбались. — Ничего, скоро будет ёросий. — Он заговорил по-английски, и нисэй фразу за фразой перевел, что они, американцы, чрезвычайно удручены и опечалены случившейся неприятностью и со всей энергией, прилагая все силы и умение, постараются в какой-то мере исправить положение. Прежде всего необходимо правильное лечение. Болезнь очень сложна и тяжела, скрывать это не приходится, но потому-то американское правительство и послало их, лучших врачей по такого рода заболеваниям, чтобы загладить инцидент, о котором, повторяю еще и еще раз, — говорил Нортон, — оно глубоко сожалеет.

— Для установления правильного курса лечения необходимо ознакомиться с вашим состоянием, а также выяснить некоторые подробности

* Японец, родившийся в Америке.

истории болезни, то есть уточнить обстоятельство, при которых вам было нанесено лучевое поражение. Затем мы возьмем у вас для анализа кровь и мочу, назначим процедуры, лекарства, диету... Я полагаю, — заключил он, оглядываясь на своих коллег, — что, если нам удастся избрать правильный путь, вы снова будете на ногах через какой-нибудь месяц. А сейчас давайте приступим.

Он спросил о чем-то японских врачей, те кивнули в знак согласия, а два американца подошли к столу и стали извлекать из чемоданчиков какие-то коробки и футляры, резиновые трубки и странного вида стеклянные предметы в рамках из лакированного дерева.

— Начнем осмотр, — перевел нисэй.

Но тут произошло нечто непредвиденное. Масуда, которого собирались осматривать первым, отодвинулся к стене, натянул простыню до подбородка и сказал сдавленным голосом:

— Не хочу.

Американцы удивленно переглянулись, взглядели на него, на японских врачей, стоявших с прежним выражением равнодушия на лицах, затем повернулись к нисэю. Тот, словно спохватившись, перевел.

— Но почему? — спросил Нортон.

Нисэй, брезгливо скривившись, пожал плечами. Тогда долговязый легонько потянул с Масуды простыню.

— Не хочу, — упрямо повторял тот, плотнее прижимаясь к стене.

— Он не хочет! — крикнул Ямамото яростно. — И никто из нас не хочет! Уходите отсюда, пусть нас лечат японские врачи!

В наступившей тишине отчетливо были слышны слова перевода. Нортон побагровел.

— Что это значит? — зловеще спокойно спросил он, повернувшись к японским врачам.

Ямамото, уже не так громко, добавил:

— Скажите им, что мы не хотим быть подопытными животными для их опытов!

— Я, кажется, знаю, кто мог инспирировать эту... недостойную комедию, — пробормотал Нортон сквозь зубы, — но никогда не думал, что он пойдет так далеко. Это неслыханное варварство.

Он повернулся к Ямамото и мягко сказал:

— Не надо так шуметь и упрямиться, мой друг. Я понимаю, вы настроены против американцев. Но поймите, дело идет о вашем здоровье, о

ваших жизнях! Нельзя шутить с такими вещами. Вы не должны мешать нам выполнить свой долг.

— Сначала заплатите нам за то, что искалечили нас, — прохрипел вдруг сэндю.

Это было так неожиданно и неуместно, что Ямамото поперхнулся, японские врачи вздрогнули, а переводчик-нисэй укоризненно покачал головой.

— Извините, пожалуйста, — сказал нисэй просительно, — но послушайте меня. Напрасно вы поворачиваете дело таким образом. О денежном вознаграждении за понесенные вами убытки будут договариваться дипломатические представители. Господа американские врачи не имеют к этому никакого отношения. Послушайте меня. Только эти люди во всем мире могут помочь вам... Если это еще возможно. Это атомные врачи с мировыми именами.

Американцы с нетерпением переводили глаза с нисэя на Ямамото и снова на нисэя. Тогда Ямамото, остановив на Нортоне полный тяжелой ненависти взгляд, выпалил:

— Все знают, что янки забирают на свои лечебные пункты больных атомной горячкой из Хиросимы и Нагасаки. Но кто видел хоть одного выздоровевшего?

Нисэй развел руками и быстро перевел. Нортон покачал головой.

— Вы не совсем правильно понимаете обстановку, мой мальчик. Больные атомной горячкой получили совсем другие поражения. Нам, врачам-специалистам, это виднее. Мы думаем, что с вами дело обстоит гораздо лучше.

Он повернулся к японским врачам, словно приглашая их в свидетели. Один из них проговорил после недолгой паузы:

— Думаю, вы ничего не потеряете, если дадите себя осмотреть, господин Ямамото. Вряд ли американские врачи могут иметь на уме что-нибудь плохое. К тому же, ведь мы присутствуем здесь, а нам-то вы доверяете, не так ли?

Через полтора часа осмотр был закончен. Ямамото, оскалившись, демонстративно тер ладонями по тем местам на своем теле, которых касались руки янки.

— Теперь, ребята, — сказал Нортон, наливая на ладонь спирт из флакончика и тщательно обтирая руки, — вы должны помочь нам еще в одном вопросе. Вы сами понимаете, что степень

Поэзия

СЫНУ

*На бинтах —
рисунок алый,
госпитальная кровать...*

*Вот
когда в меня попало —
расхотелось воевать.*

*Глупым был
и подневольным,
торопясь из боя в бой...*

*Вот
когда мне стало больно —
понял я чужую боль...*

Юрий КОВАЛЁВ

опасности вашего заболевания во многом, если не во всем, зависит от того, на каком расстоянии от места взрыва вы находились.

Врачи-японцы насторожились.

— Не правда ли, коллеги? — сейчас же обернулся к ним долговязый.

Те неохотно кивнули.

— Так вот, я не знаю и не хочу знать, что вы говорили репортерам и будете говорить представителям официальной комиссии. Меня интересует как врача, как специалиста, — понимаете? — вопрос: где вы находились в момент взрыва?

Он сделал паузу и, не дождавшись ответа, продолжал:

— Дело в том, что, если взрыв произошел ближе, чем мы думаем, нужно будет применить более эффективные и более дорогие средства.

Сэндо раскрыл было рот, но тут вмешался Цуцуи:

— Я капитан этой шхуны, господин доктор, — слабым прерывающимся голосом сказал он, — подобного рода вопрос должен быть обращен ко мне. Только я один знаю истинное положение вещей.

— Слушаю вас, — придвинулся к нему Нортон.

— Я ничего не могу сообщить вам нового, господин доктор. То, что знают репортеры, и то, что выявит официальная комиссия, в точности совпадает с тем, что было на самом деле: в момент взрыва «Счастливый Дракон» находился в двадцати милях от границы запретной зоны.

— Это неправда, — строго сказал Нортон.

— Это правда, — возразил Цуцуи и снова закрыл глаза.

— У нас есть сведения, что вы находились в запретной зоне...

— Ничего подобного! — крикнул сэндо.

— Нам нет дела до того, с какой целью вы туда заходили — ловить рыбу или заниматься другими... делами...

— Простите, мистер Нортон, — мягко, но настойчиво сказал один из врачей-японцев, — мне кажется, — извините, если я неправ, — что здесь не камера следователя. Мы должны вылечить их...

— Разумеется, коллега, — спохватился Нортон, — я, кажется, действительно увлекся. Но мне очень важно выяснить этот проклятый вопрос, и

не моя вина, что он похож на вопрос следователя. Ну ладно, будем считать, что они находились на расстоянии в сотню миль.

Он поднялся со стула.

— Мне кажется, мы можем идти, господа. До свидания, друзья мои, желаю вам скорейшего выздоровления. Скоро мы снова увидимся.

Американцы и нисэй вышли, прикрыв за собой дверь.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Ямамото к врачам-японцам, — они и вправду будут лечить нас?

— По-видимому, да.

— Но если мы не захотим?

Один из врачей положил руку на плечо механика и сказал грустно:

— У нас нет выбора, господин Ямамото. К сожалению, нисэй прав. Это самые крупные в мире специалисты по атомным болезням.

— Куда теперь? — спросил Нортон, выйдя из палаты.

— В Первый национальный госпиталь и прежде всего в палату 311.

— Там этот... Кубояма?

— Совершенно верно. Наиболее пострадавший.

Нортон двинулся было по коридору, но остановился.

— Я совсем забыл, — сказал он, — Мэррил, в истории болезни этого маленького бунтовщика — Масуда, кажется? — отметьте, что весь обратный путь от Бикини до Японии он спал на мешке, набитом радиоактивной пылью.

— Как так?

— Очень просто. Ему, видите ли, хотелось привезти домой пепел горящего неба, и он набил им свою наволочку. Видите, к чему приводит любопытство?

Американцы рассмеялись, а один задумчиво сказал:

— Очень интересно. Значит, у нас есть образец интенсивного поражения головного мозга. Чрезвычайно интересно и в высшей степени поучительно. Оригинальный экземпляр. Это нам очень пригодится.

— Не так громко, друг мой, — покосившись на подходящих врачей-японцев, пробормотал Нортон и закончил: — Пошли, господа. Не будем терять времени.

Когда врачи ушли, сэндю сплюнул и сказал:

— До чего у этих янки противные морды... Слушайте, как вы думаете, заплатят они за убытки или нет?

Никто ему не ответил. У Масуды опять началась рвота, и служитель побежал к нему с тазиком. Сэндю крикнул, повернулся на бок и затих.

ПАЛАТА 311

— Куматори-сан! Куматори-сан!

Главный врач Первого национального госпиталя с трудом раскрыл глаза и сел. За окном кабинета было темно, на потолке застыл световой квадрат от наружного фонаря.

— Куматори-сан! Вы проснулись?

— Да, да, в чем дело?

— Кубояме опять плохо. Слабеет сердце.

— Иду, — Куматори неловко поднялся на ноги и взглянул на часы. Четверть второго. Значит, он проспал всего полчаса. Полчаса за последние двое суток. Но сон уже улетел от него. Он наскоро привел в порядок прическу и вышел в коридор. Ковровая дорожка заглушала шаги. У двери в палату он помедлил, машинально разглядывая табличку с номером «311». Палата номер 311.

Уже несколько месяцев внимание всей Японии приковано к этой палате. Да и только ли Японии?

Где-то строятся расчеты, планы, варианты планов мировой политики. Некоторые из этих планов и расчетов будут приняты или отвергнуты в зависимости от того, чем окончится история болезни пациента палаты 311, удастся ли Куматори, молодому, талантливому врачу, сохранить жизнь человеку, который вот уже полгода мечется между жизнью и смертью за этой дверью. Однажды Нортон даже намекнул. Главный врач тряхнул головой, как бы отгоняя не относящиеся к делу мысли, и решительным движением толкнул дверь.

В палате было очень светло и немного душно. Посредине на койке, головой к южной стороне лежал укрытый простыней Кубояма.

Желтое с пепельным оттенком лицо его отчетливо выделялось на фоне безукоризненной белизны постельного белья. Глубоко в его нос уходил резиновый шланг от кислородного датчика, стоявшего рядом на столике со стеклянной крышкой. С другой стороны у койки стояли две женщины и девочка лет семи — мать Кубоямы Сюн, жена Судзу и старшая дочь Мияко. Все трое смотрели на больного широко открытыми, застывшими глазами. Дежурный врач, видимо только что проверявший пульс, засовывал в карман хронометр.

— Пульс пропадает, — шепотом ответил он на вопросительный взгляд Куматори.

— Кислород?

— Непрерывно.

— Температура?

— Тридцать шесть. Думаю, скоро упадет еще ниже.

— Введите тонизирующее.

Пока врач готовил шприц, Куматори отошел к окну, откинул портьеру. На подоконнике лежала груда бумаг. Это были телеграммы со всех концов страны с выражением соболезнования, с призывом не терять надежды, с наивными, но искренними советами. Куматори взял одно из них. «Как это могло случиться? Что можно поделать, если не в силах человеческих помочь вам? Неподалеку от нас есть храм, в нем имеется каменная статуя Будды, именуемая «Геге-сама». Если потереться с молитвой больным или ушибленным местом об эту статую, то болезнь как рукой снимет! Я сам испытал это. Особенно, как говорят, таким способом хорошо изгонять злого духа из печени. Не теряйте надежды, держитесь твердо...»

— Готово, Куматори-сан.

Куматори бросил письмо и вернулся к больному. Прошло четверть часа. Тонизирующее не помогло. Дыхание Кубоямы становилось все слабее и слабее, пульс уже едва прощупывался. Температура падала. Судзу склонилась над мужем, и слезы закапали из ее глаз на его лицо, на подушку, на простыню. Она обтерла их платком, всхлипывая:

— Как же помочь тебе? Чем можно помочь?

Она с надеждой подняла глаза на врачей и сразу же отвернулась.

Куматори приказал служителю срочно вызвать Нортон и Удзуки. Потом увеличил

подачу кислорода. Впрочем, он понимал, что это бесполезно. В сущности, Кубояма был уже мертвецом. Куматори знал, точнее, чувствовал это по неуловимым внешним признакам. «Первая жертва водородной бомбы», — пришло ему в голову. Взгляд его случайно встретился со взглядом Мияко. Он поспешно отвел глаза и с ненужной энергией принялся готовить вторую инъекцию. В отяжелевшей от бессонницы голове копошились обрывки мыслей: «Пока пациент жив, врач не должен... Бедная девочка... Нортон намекал, что кое-кто в США очень рассчитывает на мое искусство. От спасения Кубоямы зависит многое... Очень многое. Когда начался последний приступ у Кубоямы? Кажется, двадцать первого. А сегодня двадцать третье... Утро двадцать четвертого. Да, двадцать четвертое сентября 1954 года — дата смерти первой в мировой истории жертвы водородной бомбы. Неужели будут и другие?»

— Здравствуйте, Куматори-сан.

Куматори вздрогнул и чуть не выронил шприц. Перед ним стоял Удзуки.

— Плохо? — спросил тот, показывая глазами в сторону постели. Куматори кивнул.

— Думаю, это конец, — по-английски сказал он.

Удзуки долго возился около умирающего, мям ему руки, шупал через каждые пять минут пульс, открывал веки и заглядывал в мутные неподвижные зрачки. Вскоре явился Нортон. Американец сразу же взялся за дело. Он что-то записывал, делал какие-то уколы, брал кровь. Куматори безучастно следил за ним. Для него было ясно, что дело проиграно.

Рассветало. Куматори не оправил портьеру, и к желто-белому электрическому свету примешивалась серая слезливая муть осеннего токийского неба. Палата была невелика, и в ней стало душно. Куматори захотелось курить. Выходя из палаты, он слышал, как Судзу, плача навзрыд, спрашивала Удзуки:

— Неужели его уже ничем нельзя спасти?

Он закрыл за собой дверь, откинул полу халата и достал портсигар. Глаза его остановились на табличке с надписью «311». Он отвернулся.

Двадцать четвертое сентября.

Айкити Кубояма умирал. Он был так слаб, что даже не мог поднять веки и пошевелить гу-

бами, а перешептывание врачей и плач родных доносились до него словно через слой войлока. И все же судьба подарила ему перед смертью несколько часов ясной мысли. Он знал, что умирает. Почти полгода страшные неведомые силы упорно и успешно трудились над его организмом, и теперь их работа близилась к завершению. Он понимал это каким-то шестым чувством, словно слепой, наклонившийся над бездонной пропастью. Смертный холод медленно полз по телу от тощих рук и ног, похожих на палки, обтянутые желтой влажной кожей.

— Су... дзу... — позвал он одним дыханием.

Он почувствовал, как жена склонилась над ним, и теплая капля упала ему на лоб. Ему захотелось сказать ей, что горевать не надо, что он совсем не боится смерти и что если он умрет, то ей помогут, ей и детям, и старой Сюн, но не было сил пошевелить деревенеющими губами. Легкий, едва осязаемый укол в плечо — они опять вводят ему в кровь этот, как его... Название лекарства ушло из памяти. Да это и не важно. Наивные люди эти доктора, они думают, что еще не все потеряно. Неужели он один понимает, что это смерть? Чего же тогда стоят все они, лучшие врачи Японии и Америки? Но при чем здесь Америка... Почему американские врачи так любезно предложили свои услуги? Ведь никогда раньше они не лечили японских рыбаков. Ах да, он для них всего лишь «морумотто», подопытная морская свинка. На его организме они познают, что бывает с человеком, когда он попадает под «пепел смерти». Полгода они внимательно наблюдали, как отчаянно борется его организм с невиданной болезнью, борется и сдает одну позицию за другой. Сначала сдалась кровь, затем сердце, печень, мозг... Сколько времени он был без сознания? Кажется, сейчас конец сентября? Значит, месяц.

Он услышал прерывистый шепот и плач жены, она просила кого-то сделать что-нибудь для его спасения, не дать ему умереть. Значит, она тоже знает, поняла. Бедная маленькая Судзу. Каково ей будет с тремя девочками и стариками. Нет, как он ни храбрится, а умирать все-таки страшно. Страшно и бессмысленно. Кто эти люди, вызвавшие к бытию такие чудовищные силы? Зачем это им было надо? Против кого они хотят их использовать? И почему именно

он, Айкики Кубояма, сорокалетний честный рыбак, должен был оказаться их первой жертвой? И почему вообще кто-нибудь должен стать их жертвой? Он вспомнил, как рыбаки смеялись над Мисаки, когда тот пытался отговорить их от плавания к Маршалльским островам. Как тогда сказал Мисаки... Что-то насчет чужих вод... Опасно заходить в чужие воды... Почему мы тогда не послушались его? Голод. Это все сделал голод. Нет рыбы — нет заработка. Нет рыбы — хозяин выгонит тебя с работы, и тогда любишь голодными детьми, измученной женой, умирающими стариками. И мы не послушались Мисаки и пошли к Маршаллам. Другого выхода не было. И вот перед рассветом ослепительные вспышки, громовые раскаты, а затем — белый, похожий на рисовую пудру порошок, падающий с неба, — белый пепел, пепел смерти, пепел Бикини. Если бы они знали об этом тогда...

Теплые нежные пальцы сжали его ладонь, но он не смог ответить на пожатие. Ледяной холод полз к груди, окружал сердце, останавливал дыхание.

В этот день Япония узнала, что Айкики Кубояма, радист рыболовной шхуны «Счастливый Дракон», умер.

Полковник Нортон в ключья рвал телеграмму из Вашингтона и грубо накричал на сотрудников.

Ямамото, кусая губы, чтобы не заплакать, судорожно мял и разглаживал газету. Сэндо Мисаки тихо молился. Цуцуи лежал, завернувшись с головой в одеяло. Масуда громко всхлипывал, размазывая по лицу слезы.

Директор госпиталя Токийского университета заперся в своем кабинете и до вечера просидел один, уронив на руки лысую голову. Когда стемнело, он, не зажигая света, достал из шкафчика бутылку саке и чашечку.

В помещении профсоюза рыбаков Яйдзу заплаканные женщины делали траурный венок. Угрюмые рыбаки молча курили перед входом.

Пустовали кафе, кинотеатры, варьете. По опустевшим улицам развезжали на американских виллисах усиленные наряды полиции. Но народ молчал. И было в этом молчании нечто столь зловещее, что власти искренне предпочли бы ему шумные многотысячные демонстрации.

Губернатор провинции Сидзуома был в ярости. Вернее, он был взбешен. Он бушевал — ругался, топал ногами и даже осквернил свои руки.

Чтобы вполне оценить впечатление, произведенное этим обстоятельством на всех окружающих, следует учесть, что он считался чуть ли не самым уравновешенным человеком на всем побережье залива Суруга и представлял собою исключение среди других губернаторов. Неожиданный гнев отца провинции нашел свое первое выражение в том, что губернатор сначала скомкал и швырнул в лицо секретарю телеграмму от господина премьер-министра, а когда обиженный секретарь попытался пуститься в рассуждения относительно незаблестности демократических порядков в государственных учреждениях новой Японии, схватил несчастного молодого человека за шиворот и вытолкнул за дверь. Бормоча проклятья и извинения, помогая испуганной машинистке поднять опрокинутый его падением стол, секретарь слышал, как за захлопнувшейся дверью губернатор бегал по кабинету, крича: «Проклятые дураки!..» Затем послышался звон разбитого стекла («Хрустальный графин!») — ахнула машинистка, и все стихло. Здание губернаторского управления замерло. Пораженные чиновники ходили на цыпочках и обменивались недоумевающими взглядами. Служительница, относившая губернатору обед, вылетела из кабинета вся красная, со слезами на глазах: господину губернатору показалось, что она позволила себе войти не постучавшись. Дверь кабинета распахнулась, и резкий визгливый голос приказал вызвать начальника полиции. «Немедленно! Слышите?» Секретарь, забыв о достоинстве несправедливо обиженного, бросился к телефону.

И только позвонив, он вспомнил, что раньше губернатор имел обыкновение звонить к начальнику полиции сам. Эта мысль вызвала у него другое воспоминание. Он хлопнул себя по лбу и медленно сказал:

— Кажется, я понимаю, в чем дело.

Мгновенно обступившие его чиновники узнали следующее. Сегодня утром звонил из Токио сам господин министр внутренних дел. Дверь кабинета не была плотно прикрыта, и он, секретарь, волей-неволей... Если дверь приоткрыта,

то слышно все, и этому ничем не поможешь... Господин губернатор взял трубку и поздоровался с господином министром.

— Дальнейший разговор я помню почти слово в слово. — Секретарь надулся и заскрипел, имитируя голос своего шефа. — «Знаю, господин министр, завтра похороны. Какие меры? Но мне кажется, полиции там делать будет нечего... Господин министр, моя точка зрения на этот вопрос вам известна. Кто я? Ну нет, я не коммунист, и это вы прекрасно знаете... Нет. Позволю себе заметить, что это вы играете на руку красным, господин министр... Правда, когда-то и я думал, что лучше янки, чем красные... Вот-вот, без янки. И уж во всяком случае без этих дьявольских бомб... Япония — японцам. Господин министр, я всегда говорил, что Окадаки — подставная фигура. А мы с вами — японцы, господин министр. Вот именно... Нет, я не думаю, что вдова рыбака, убитого американцами, поднимет на кладбище бунт. Уверяю вас, господин министр, там все будет в идеальном порядке...» Он спорил, но оставался спокойным. А через полчаса пришла телеграмма от господина Иосиды. И вот тут..

Машинистка не выдержала и прыснула. Секретарь надменно поглядел на нее.

— Мыслящий реально человек должен понимать, что бывают минуты, когда самые кроткие и терпеливые из нас теряют душевное равновесие. Я понимаю это и не имею к уважаемому господину губернатору никаких претензий.

Секретарь был прав: его шеф потерял душевное равновесие. Впрочем, до претензий секретаря или кого-либо другого из подчиненных губернатору не было никакого дела. Главными виновниками его вспышки были те, наверху, в Токио — в этом секретарь тоже не ошибся. Их неуклюжие махинации могли стоить ему места, в конце концов.

Губернатор чувствовал себя в самом идиотском положении, в какое только может попасть государственный чиновник. С одной стороны, он был обязан почтительно выслушивать и ревностно выполнять все указания сверху. Но, с другой стороны, как раз в данном случае он не хотел повиноваться. Правда, на первый взгляд дело казалось пустяковым. Завтра в Яидзу состоится

БРЯНСКИЙ ЛЕС

*Хлеба нет, крупы в обрез,
Немцы рвутся в хату.
Подари мне, Брянский лес,
Хоть одну гранату.
А вдали текла Десна,
Рожь стелилась густо.
Проутюжила война —
И в деревне пусто.
На карниз огонь полез —
Фриц сжигает хату.
Дай гранату, Брянский лес,
Хоть одну гранату!*

Евгений КОХАН

похороны несчастного Кубоямы. Правительство, пребывая в страхе перед коммунистами, предложило ему обеспечить порядок на кладбище усиленными нарядами полиции и не допускать никаких митингов. Что тут особенного? Не впервой ему, губернатору провинции Сидзуока, посылать полицию для разгона стачечников и голодных демонстрантов. Но в данном случае поручение казалось ему отвратительным. И вопрос, конечно, не в том, что ему было бы неприятно видеть равнодушные раскормленные рожи полицейских рядом с плачущими женщинами и суровыми обветренными лицами рыбаков. Просто губернатор, старый и опытный политикан, не мог одобрить точку зрения министра. Охотнее всего он участвовал бы в похоронной процессии как частное лицо и кричал бы вместе с возмущенными рыбаками: «Долой водородную бомбу! Долой продажное правительство Йосиды!» Это была бы популярность. К сожалению, губернатор — лицо официальное, это совершенно невозможно. Но что же делать? Какие же они идиоты! Следовало бы дать озлобленным людям выговориться, отвести душу, тем более что гнев их справедлив. Да разве убедишь такого закоренелого упряма и лицемера. Губернатор тяжело вздохнул и крепко потер лицо ладонями. Придется найти какой-то компромисс. Он не имел права подавать черни пример неповиновения. И, когда на пороге кабинета с почтительным поклоном появился начальник полиции, губернатор угрюмо сказал:

— Прошу приготовиться. Завтра на рассвете мы выезжаем в Яидзу. Полагаю, наше с вами присутствие там не повредит.

Утро двадцать седьмого сентября 1954 года выдалось дождливое. Огромный «Шевроле» губернатора с мягким однообразным шуршанием несся по бесконечной ленте тускло отсвечивающего мокрого гудрона. Губернатор молчал, рассеянно глядя перед собой, со странным интересом следя, как щетка размазывает по стеклу капли дождя. На заднем сидении пыхтел начальник полиции и робко жались по углам двое полицейских. Когда проехали перевал Уцуноя, губернатор внезапно повернулся и спросил в упор:

— Вам, разумеется, кажется, что я подхожу к этому вопросу чересчур либерально?

Начальник полиции в притворном недоумении повел толстым плечом:

— С вашего разрешения, господин губернатор, мне этого не кажется. Вообразить себе что-либо, особенно в отношении властей, вовсе не дело полиции.

— А все-таки?

— Мы выполняем ваши распоряжения, господин губернатор.

— И отлично делаете. Сегодня особенно прошу вас выполнять их. — Губернатор вдруг успокоился и даже повеселел. Остальная часть пути прошла в полном молчании. Только когда автомобиль, не доезжая до Фудзизэда, круто свернул налево, на скверную дорогу, ведущую к Яидзу, изумленные полицейские услышали, как отец провинции громко и отчетливо выругался по-английски и сказал, ни к кому, по-видимому, не обращаясь:

— Это все равно, что обучать лошадь молитвам.

Улицы Яидзу были пусты, если не считать нескольких голоногих ребятишек, приветствовавших машину губернатора отчаянным визгом.

Над входом в здание муниципалитета красовалось большое желтое полотнище с четырьмя иероглифами: «Суйбаку хантай» — «Долой водородную бомбу». Начальник полиции весь подобрался и выжидательно посмотрел на затылок губернатора. Но губернатор даже не оглянулся. Через несколько минут «Шевроле», разбрызгивая грязь, выскочил на окраину городка и остановился. Дорогу к кладбищу загромодила огромная толпа людей. Их были тысячи — мужчин, женщин, стариков, детей, рыбаков, судовладельцев, лавочников, рабочих, они стояли, тесно прижавшись друг к другу, под теплым морозящим дождем, прикрываясь зонтами и громадными камышовыми шляпами, похожими на плоские блюда. Немного поодаль расположились корреспонденты японских и иностранных газет в регланах и макинтошах с поднятыми воротниками. Они непрерывно курили сигареты, сплевывали и переговаривались вполголоса. Губернатор распахнул дверцу и выбрался из машины.

— ...Он был такой же, как и мы все, — услышал он голос, который слушала вся эта громадная толпа. — И каждый из нас, каждый простой рыбак, мог оказаться на его месте.

Судя по голосу, говоривший был молод. Он не был виден губернатору. Тогда губернатор пошел в обход сплошной людской стены. Начальник полиции и его подчиненные следовали позади в нескольких шагах.

— Рыбакам живется несладко. Ремесло рыбака трудное. Рыбаки выбиваются из сил, не видят дома по месяцам, чтобы накормить свои семьи. И вот теперь эта водородная бомба. Сегодня мы хороним Кубояму-сан. Кто знает, кого из оставшихся двадцати двух мы будем хоронить завтра?

По толпе прокатился сдержанный гул. Понеслись всхлипывания женщин. Теперь губернатор хорошо видел оратора. Это был молодой человек в грязной рабочей спецовке, с потрепанной каскеткой в руке. Струйки дождя, как слезы, стекали по его лицу.

— И скольких нам еще придется хоронить, если мы не скажем решительно все вместе: «Долой водородную бомбу!»

Толпа снова загудела. Кто-то крикнул:

— И долой министров, которые разрешают ами* творить такие безобразия!

Оратор поднял руку, и все стихло.

— Если мы, вся Япония, все простые и честные люди нашей многострадальной родины, не скажем этого, не схватим убийц-атомщиков за руку, мы погибнем. Помните это, жители Яидзу! Конечно, многие из вас до сих пор думают — мое, мол, дело сторона, я рыбак, политикой не занимаюсь... Но если бы мы догадались заняться этой политикой раньше, кто знает, может быть, был бы сейчас жив Кубояма... Склады судовладельцев ломались бы от рыбы, покой и тишина были бы сейчас в Яидзу и во всей Японии. Но мы не хотели заниматься политикой... И вот стоим у ворот кладбища и скорбим над прахом первой жертвы водородной бомбы. Как будто мало было жертв и без этого! Долой убийц! Долой предателей-министров! Да здравствует свободная и демократическая Япония!

Под крики и рукоплескания оратор сошел с импровизированной трибуны. Губернатор наклонился к уху стоявшего впереди мужчины в соломенной накидке и спросил тихо:

— Кто это?

Тот, не оборачиваясь, бросил:

* Ами — американские солдаты.

— Сын старого Комати. Из Токио. Специально приехал хоронить земляка.

Начальник полиции, озабоченно пыхтя, стал проталкиваться сквозь толпу. За ним тащился один из полицейских, молодой, очень растерянный человек. Раздались сердитые возгласы, ругань, визг. Кто-то отчетливо спросил:

— Куда прется этот жирный боров?

— Ну-ну, деревенщина! — угрожающе прорычал начальник полиции. — Поговори у меня! В свиной ящик захотел?

— Попрошу вас немедленно назад, — негромко произнес губернатор.

— Но это бунтовщические речи! — Маленькие глазки начальника полиции вращались, словно у китайской куклы. — Мой служебный долг...

— Ваш служебный долг — повиноваться мне. Давайте лучше послушаем.

— Я думал...

На них зашикали:

— Тише, вы! Будет говорить Судзу!

На возвышении появилась маленькая женщина в мокрых белых одеждах. Губернатор читал на ее худом, землистом от горя лице всю историю страшных для нее последних недель. Она провела рукой по глазам, глубоко вздохнула и заговорила тоненьким голосом:

— Дорогие мои земляки и друзья! Вы все знаете, мой муж был честный рыбак и хороший человек. Он никому не причинял зла. И вот его убили. Убили те же самые люди, которые впервые сбросили на нашу страну атомные бомбы. Тогда они сожгли сто тысяч человек и многих еще искалечили, отравили ужасными атомными болезнями, от которых японцы умирают еще и до сих пор. Теперь ими создано еще более ужасное средство, и жертвой его оказалась опять-таки Япония. Смертоносная пыль, «пепел Бикини» унес в могилу моего мужа и изувечил его товарищей. И я не понимаю, зачем все эти мучения, зачем эти жертвы, когда мы, наши семьи могли бы жить спокойно и счастливо... Ненавижу, ненавижу... Эти атомные бомбы, атомные болезни, тех, кто их создает! Нужно остановить их! Помешать им, чтобы мой муж был последним убитым. Нужно крикнуть американцам: «Опомнитесь! Что вы делаете? Остановите своих атомщиков!»

В мертвой тишине, наступившей после того, как Судзу Кубояма, трясась от рыданий, сошла

с помоста, губернатор услышал за спиной у себя какую-то возню. Он оглянулся. Начальник полиции старался вырвать из рук молодого парня в брезентовом плаще пачку листовок. Ни тот, ни другой не произносили ни звука. Губернатор повелительным движением руки остановил полицейского.

— Дайте мне одну, — сказал он.

Парень, бледный от волнения, но не от страха, протянул ему листок. Там было написано: «Долой водородную бомбу! Долой правительство Иосиды, превращающее Японию в атомный полигон! Долой американцев из Японии! Подписывайтесь под воззванием о запрещении атомного и водородного оружия!»

— Кто вы такой? — спросил губернатор, возвращая листок.

— Студент.

— Зачем вы здесь? Разве рыбаки Яидзу не разберутся в своих делах без вас?

— Это дело не только рыбаков Яидзу. Это дело всей Японии. И если вы японец, вы подпишете воззвание.

— Да, я японец, — тихо сказал губернатор и назвал себя. Студент почтительно поклонился и, пятясь, исчез в толпе. Губернатор подошел вплотную к начальнику полиции и прошептал ему:

— Постарайтесь держать себя достойно на похоронах или вернитесь в машину. На вашем месте я слушал бы то, что сейчас говорят, и учился.

Губернатор был идеалистом... или сошел с ума. Начальник полиции раскрыл было рот, чтобы возразить, но в этот момент на помосте появилось новое лицо.

— Американец? — пробормотал кто-то растерянно. — Вот наглец!

Раздались насмешливые и возмущенные крики. Но американец не смутился. Вертя в руках лист бумаги, он терпеливо ждал. Понемногу шум утих.

— Господа! — начал американец. — Я советник посольства, мое имя — Грэхэм Парсонс. Прежде всего, разрешите мне выразить от своего имени, от имени моего правительства и от имени моего народа глубокое и искреннее соболезнование по случаю безвременной кончины Кубоямы-сан.

Он говорил по-японски чисто, почти без акцента, и это немного примирило его со слушателями.

— Все люди Америки скорбят вместе с вами, объятые жалостью к осиротевшей семье покойного. Нет слов, какими можно было бы смягчить эту тяжелую утрату. Американское правительство сделало все возможное для того, чтобы спасти Кубояму-сан. Лучшие доктора...

— Знаем мы американских докторов! — закричали в толпе.

— Как насчет морских свинок?

— Почему на черном рынке ампула пенициллина?

Американец повысил голос:

— В будущем правительство США обещает соблюдать более тщательные меры предосторожности при проведении испытаний...

— Долой водородные бомбы!

— Долой испытания!

— Не хотим больше слушать! Убирайся вон!

Советник посольства давно уже исчез с помоста, а народ все никак не мог успокоиться. Начальник полиции смотрел на губернатора умоляющими глазами. Губернатор положил ему руку на плечо.

— Вспомните, что вы японец, — с удовольствием сказал он. — Стойте здесь и смотрите на гнев своего народа.

На помост, тяжело дыша, вскарабкался человек в дешевом европейском костюме и мягкой шляпе.

— Товарищи! — крикнул он. — Я только что из Токио! Американцы не приняли нашу делегацию! Они ссылаются на то, что сегодня воскресенье! Они не желают слушать нас!

Тысячи сжатых кулаков поднялись над морем голов.

— Убийцы!

— Долой атомщиков!

— А вот вам позавчерашняя газета с сообщением о смерти Кубоямы-сан... — человек в европейском костюме развернул мокрый газетный лист. — Вот на этой стороне фото траурной процессии у Государственного госпиталя... Видите? — он перевернул страницу. — А вот другое фото: Иосида и Окадзакки веселятся в обществе американских газетчиков... Позор! Долой предателей!

Он стоял, выпрямившись, размахивая обеими руками, словно дирижируя, а многотысячная толпа, скандируя, кричала хором, хлопая в такт в ладоши:

— Суй-баку, хан-тай! Иоси-да, тао-сэ! * Суй-баку, хан-тай! Иоси-да, тао-сэ!

И, хитро подмигнув вконец обалдевшему полицейскому, губернатор хлопнул в ладоши и тоже крикнул:

— Суй-баку, хан-тай!

АДМИРАЛ БРЭЙВ

Медлительно и важно стучали огромные стеновые часы. Тихо шелестел настольный вентилятор. По потолку весело прыгают солнечные зайчики от воды в сифоне. Адмирал Брэйв тихонько застонал и уронил голову на руки. Вот чем все это кончилось! Что будет завтра? «Вы не сумели должным образом организовать операцию. Вы не обеспечили лояльность японской прессы. Вы не смогли предпринять нужные меры по лечению рыбаков. Вы... Вы...» Боже мой! Боже мой! Как будто это он один виноват во всем! Ну разумеется, козел отпущения необходим и будет найден. Но почему именно он, адмирал Брэйв? Господи, зачем только ему было соваться в эту кашу? Все казалось таким простым и ясным. Немного хлопот, эффектный фейерверк и — слава, ордена,

деньги, чины, положение... Нет, они не могут так вот просто взять и выставить его из штаба, выбросить, словно сломанную куклу. Во-первых, он слишком много знает... Брэйв похолодел. Да, ведь он слишком много знает. Значит, выбросить его нельзя. Зато можно... Нет, только не это. Нет, нет... Его знают, он умеет молчать. За него замолвят словечко. Самое плохое, что может случиться, это увольнение на пенсию. Все-таки у него есть заслуги, да и вообще... Нельзя же так. Нервы, нервы... Проклятые японцы!

Брэйв перевел дух и промокнул платком вспотевшую лысину. Часы медлительно и важно пробили одиннадцать. Сейчас же распахнулась дверь, и адъютант почтительно доложил:

— Полковник Нортон, сэр.

* Долой водородную бомбу! Долой Иосиду!

— Пусть войдет, Погги.

Адъютант повернулся кругом, но Брэйв окликнул его:

— Минуту, Погги. Как самолет?

— Будет ровно в час, сэр.

— Отлично, отлично... — адмирал несколько секунд тупо разглядывал разбросанные на столе бумаги. — Вот что, Погги... Предупредите штурмана, что мы дадим небольшой крюк. Туда... Над Бикини. И не забудьте распорядиться, чтобы оповестили штаб зоны. Все, Погги.

— Слушаюсь, сэр.

Адъютант вышел. Брэйв с изумлением раздумывал над своим неожиданным решением, пытаясь проследить ход мыслей, вызвавших его. Кажется, что-то вроде «в последний раз»? Нет, не то. Нечистая совесть?

— Разрешите, сэр?

Вот он, один из истинных виновников. Не сумел вырвать у своих полудохлых пациентов признание в том, что шхуна залезла в запретную зону. Брэйв смерил Нортон злыми глазами. Как всегда, франтоват, сух и непринужден. Подожди, полковник, посмотрим, что ты запоешь через минуту.

— Садитесь, полковник. Сюда, к вентилятору. Хотя вы, кажется, не очень страдаете от жары, как я вижу?

— Благодарю вас, сэр.

Нортон уселся в плетеное кресло перед столом и настороженно взглянул на Брэйва. Тот с нарочитой неторопливостью принялся перебирать бумаги.

— Так вот, Нортон... Где это она? Ага, вот... Вызвал я вас для того, чтобы вы ознакомились с этой вот телеграммой, — он протянул через стол желтый лист официального бланка.

«Брэйву, Нортону. Сдать дела, вылететь немедленно».

— Вам все понятно, надеюсь? — продолжал Брэйв, с наслаждением следя, как кирпичный загар на лице полковника приобретает бледно-серый оттенок. — Это вполне закономерное следствие нашей с вами, — Брэйв сделал ударение на последнем слове, — работы в Японии. Там, наверху, видимо, решили — и совершенно справедливо, как мне кажется, — что ваших обещаний и посул с них вполне достаточно.

— Но ведь вы сами, сэр... — потухшим голосом начал было Нортон.

— Что я сам? — Брэйв вскочил на ноги и хлопнул ладонью по столу. — За последние четыре месяца я три раза летал в Вашингтон! Меня десять раз обливали помоями по телефону! И все потому, что я полагался на вас! На вас и на ваших лекарей, черт бы их побрал! А вы не смогли вылечить этого... Кубояму... И кто может поручиться, что завтра не сдохнет еще кто-нибудь. Вы? Вы можете? Ни черта вы не можете!

— Лучевая болезнь — не грипп, адмирал, — с достоинством сказал Нортон. — Никто до нас...

— Идите к черту! — адмирал снова сел и налил себе воды. — Короче говоря, сегодня в час мы вылетаем. Объясняться будем в Вашингтоне... Если нас будут слушать.

«Постарается все свалить на меня», — с ненавистью подумал Нортон.

— Я вас больше не задерживаю. Не опоздайте.

— Слушаюсь, сэр, — Нортон понуро пошел к дверям. Выходя, он услышал, как Брэйв приказал адъютанту:

— Подайте мне папку с делом «Дракона»... и письмо Окадзаки. И до того, как нужно будет ехать, не лезьте сюда. И никого не пускайте.

Темно-синий океан с мелькающей в нем ослепительной точкой отражения солнца и бескрайнее небо, словно сияющая голубая пустота, окружили самолет. Брэйв не без труда удерживался на откидном сиденье рядом со штурманом, напрасно вертел головой, силясь увидеть что-либо, на чем можно было бы остановить взгляд.

— Еще несколько минут, сэр, — крикнул штурман.

Брэйв кивнул и принялся рассматривать карту, разостланную у него на коленях. В кабину высунулся радист, наклонился к штурману. Тот довольно улыбнулся.

— Обменялись позывными со штабом зоны. Очень хорошо, сэр. Теперь можно быть спокойным. В прошлом году здесь был сбит один наш самолет. О нем забыли послать оповещение, а он не знал. Сразу, без предупреждения, налетели три «Сэйбра» и... Вот они, Маршаллы!

Впереди, на бархатном фоне океана появилось несколько крошечных серых пятен. Брэйв схватился за бинокль.

— Это атолл Уджеланг, сэр, — кричал штурман. — Там, дальше, видите, маленькая точ-

СОСУЛЬКА

*Сосулька, подожди, в руке не тай.
Твой блеск так ярок, радостен и дерзок:
Ты, как пароль, что пропускает
 в детство, —
Хоть снова по ночам во сне летай...
За хлебом я стою. Темно пока.
Война и голод удлинити сутки.
Нам, малым, легче: есть у нас сосульки,
Грызешь их — вроде лишнего пайка...
О хруст сосульки, сласть ее — до дна.
О вкус, где вместе — ржавчина и небо.
И медленная очередь за хлебом,
Глаза, в которых третий год — война.
Победно — с хлебом! — я домой бегу.
Весь донесу, не отщипну ни крошки,
От радости я стала выше ростом!
Хлеб берегу. Сосульку берегу...
Сосулька, ты не тай!.. Она не тает.
Как радость и как смутную вину
Мне, взрослой, все по капле возвращает:
Ту очередь. То детство. Ту весну.*

Людмила МИЛАНИЧ

ка? — Энниветок. Сейчас развернемся и пойдём на Бикини. Тем, кому часто приходится летать в этих местах, всегда хочется подняться повыше. Страшные места, сэра. Говорят, во время взрыва первого марта за сто миль отсюда машины трянуло так, что они чуть-чуть не рассыпались.

Брэйв вспомнил багровый шар и горы добела раскаленного пара, и ему стало не по себе. Снова, как и тогда, рубашка прилипла к его жирной спине.

— А вот и сам Бикини, — штурман протянул указательный палец. — Вон там, где видна цепочка островков — видите? — большой промежуток между предпоследними двумя. Там и был остров, на котором взорвали эту штуку.

Да, через минуту они пролетят как раз над этим местом. Когда-то здесь располагалась полоска песка, похожая на обломок иззубренного серпа. С небольшой высоты она напоминала загарпуненное морское чудище. А в ночь на первое марта здесь был ад. Не какой-либо «сущий ад» из общепринятых выражений, и не жалкие пыточные камеры священного писания, а ад настоящий, уничтожающий все — скалы, воду и воздух. Ад этот создал он, можно сказать, своими руками. И вот теперь на дне, как говорят, огромная воронка глубиной в несколько десятков метров. Адмирал открыл зажмуренные глаза. Рыба и прочая океанская живность, заплывающая туда, дохнет...

— Сейчас будут два атолла, совсем рядом. Ронгелал и Ронгерин. Кваджелейн остался справа от нас. Прикажете взять курс на Гавайи, сэра?

— Да-да, — слабым голосом проговорил Брэйв, — давайте на Гавайи. Спасибо, мой мальчик. Спасибо.

Он сполз с сиденья и неверными шагами направился в пассажирскую кабину. Адьютант и Нортон с интересом глядели в окно, упершись лбами в стекло. Адмирал рухнул в первое попавшееся кресло. Ему было очень нехорошо. Впервые он с тоскливой ясностью осознал всю безнадежность своего положения. Да, таких вещей никому не прощают. За что придется отвечать? Самое главное — вся эта водородная история значительно ослабила позиции Вашингтона в Японии. Джапы давно ждали повода для выражения недовольства против оккупации, и теперь катастрофа с рыбаками, радиоактивный туман, смертоносный дождь представляются им

случае, посланным самим господом богом. Ни в одной стране американцев не ненавидели так, как в Японии. А кто дал им в руки этот козырь? На кого все свалят? Адмирал снова, как вчера в кабинете, застонал и закрыл лицо руками. Подошел адъютант и тихо сказал:

— Подходим к Гонолулу, сэр.

Перед самым Вашингтоном адмирал заснул — сказалося нервное напряжение последних суток. Заснул он неожиданно для себя и так крепко, что не слышал, как произвели посадку. Адъютант разбудил его, вежливо трогая за плечо:

— Уже прилетели, сэр. Машина ждет.

— Уже? — Брэйв посмотрел на него бессмысленными глазами, затем пришел в себя. — Ах да... Ну, пойдете. Кто-нибудь встречает?

— Да, сэр. Майор Пейнтер из Пентагона.

Брэйв прикусил нижнюю губу. Пейнтер был незаметной личностью, и о нем вспоминали только тогда, когда нужно было встречать мало-важных людей или работников, отозванных за провал. В штабе шутили, что, посылая Пейнтера для встречи, начальство тем самым неофициально предлагает уйти в отставку. Что ж, этого следовало ожидать.

— Где Нортон?

— Он уже вышел, сэр.

— Хорошо, Погги. Распорядитесь, чтобы багаж послали в гостиницу.

Он за руку попрощался со всеми членами экипажа, приложил руку к козырьку и двинулся к выходу.

Всю дорогу до штаба Брэйв и Нортон молчали. Пейнтер сидел рядом с шофером, и адмирал с ненавистью рассматривал его узкую равнодушную спину. Нортон непрерывно курил, выбрасывая окурки на дорогу и сгибаясь, чтобы зажечь новую сигарету. Лицо его было бледно и напряженно.

В приемной дежурный адъютант попросил их подождать минуту и скрылся за портьерой, скрывавшей дверь в кабинет шефа. Пейнтер откланялся и ушел. Каждый дюйм его спины по-прежнему выражал полное равнодушие к Брэйву и Нортону. Видимо, многих он вводил в эту приемную, чтобы оставить их с глазу на глаз с темной судьбой.

— Вас просят, господин адмирал, — прошепел дежурный, снова появляясь из-за портье-

ры. — Господин полковник, вам придется пока побыть здесь.

Брэйв решительно одернул мундир, гулко прокашлялся и шагнул в кабинет.

Шеф, красивый, совершенно седой мужчина в простом штатском костюме, сидел за огромным столом черного дерева. После приемной комната казалась погруженной в полумрак, свет скупо пробивался через неплотно задернутые шторы. Холодные блестящие глаза шефа уперлись в лицо адмирала, и четкое воинское приветствие перешло в неразборчивое бормотание.

— Здравствуйте, Брэйв, — негромко отозвался шеф. Тон его был почти ласковым. — Вы опоздали, я ждал вас еще вчера. Впрочем, вы, кажется, совершили экскурсию на Маршаллы?

— Я...

— Понимаю вас, Брэйв.

Адмирал достал платок и вытер шею и лысину. Так вот как это делается! Его даже не пригласили сесть...

— Я вызвал вас на два слова. Всего на два слова. Вы умный человек и понимаете меня. Ваша репутация сильно пострадала, Брэйв, вам это известно. Кстати, почему вы не сдали официально дела в Японии?

— Я думал, сэр, — пробормотал адмирал. — Мне казалось...

Шеф с сожалением покачал головой:

— Значит, я ошибся, считая, что вы все понимаете, так?

— Нет, я понимаю, простите, сэр.

Голова Брэйва кружилась, перед глазамиплыли багровые пятна. Он едва стоял.

— Вот и отлично. Отправляйтесь в гостиницу. Вам дадут знать, когда вопрос о вашем положении будет решен. Да, захватите с собой вашего этого... Как его... Нортон. Я не желаю говорить с ним.

— Сэр! — умоляюще прошептал адмирал.

— Ступайте, Брэйв. Ступайте.

Ничего не видя перед собой, с трудом передвигая ноги, Брэйв побрел из кабинета. Дежурный подал ему воды, усадил в кресло. Тогда он открыл глаза и увидел над собой встревоженное лицо Нортон.

— Все... кончено, — прошептал адмирал. — Все кончено, Нортон. Мы вышвырнуты. Мы больше никому не нужны. Остается... ждать приговора.

МЕКСИКАНСКИЙ КАБАЧОК

Многим в столице известен небольшой ночной кабачок «Пенья-Невада». Загулявший военный и бродяга, в кармане которого завелось несколько долларов, улизнувший от жены делец и запивший клерк, наскучившие чинностью больших ресторанов представители золотой молодежи, богатый эмигрант из Латинской Америки, гангстер, удачливый игрок — вся эта разношерстная публика собиралась к полуночи под его низкими сводами, пила, пожирала острые мексиканские блюда, орала, ругалась и курила, курила, курила без конца. В голубовато-сером тумане между мраморными столиками ловко скользили официанты в сомбреро и важно разгуливал толстый усатый хозяин во фраке, с крупными блестящими камнями на пухлых пальцах левой руки. Скандалы здесь были редки: за этим следили три дюжих парня, сидевших в углу за отдельным столиком под большой картиной, изображавшей пустыню, кактусы и скачущих всадников. Кроме того, недалеко от кабачка находился полицейский пост.

В середине октября 1954 года над вывеской кабачка появилось рекламное объявление, известившее о том, что здесь, и только здесь, можно отведать новый коктейль «Бикини» (рецепт запатентован), изумительный по своим вкусовым качествам. Коктейль имел успех — слово «Бикини» было модным. Высокие узкие бокалы с желтоватой жидкостью прочно заняли место в сердцах постоянной клиентуры рядом со знаменитым фирменным «мексиканским седлом» — так называлась мешанина из тушеного мяса, перца и лаврового листа.

Однажды ночью за столиком у самого входа сидели Дик и Чарли. Чарли, невысокий, полный, в хорошем, но изрядно потрепанном костюме, что-то рассказывал, Дик напряженно слушал, приложив ладони к уху и морщась, когда шум в кабачке становился особенно сильным.

— Конечно, мне сразу сказали, что мальчик умер. Он умер от дифтерита. Когда мальчика похоронили, Марта чуть с ума не сошла. Но через месяц вдруг успокоилась и... пошла не по той дорожке. Писем от меня ведь не было, и она решила, что я ушел совсем. Кроме того, как рассказала мне соседка, она боялась, что я спрышу с нее за

ребенка, если вернусь. Ты понимаешь, Дик, как это было тяжело слышать. К Марте повадился ходить один тип, приезжий торговец из Бразилии.

Чарли замолчал, взял свой стакан и отпил немного.

— Хорошее виски... Так вот. Месяца за полтора до нашего возвращения она собралась, взяла чемодан и уехала. Где она сейчас — не знаю. Хорошо, если бразилец забрал ее к себе насовсем, по крайней мере будет сыта.

Чарли снова поднял стакан, Дик последовал его примеру. Молча чокнулись, выпили.

— А потом — ничего интересного. Пил много, конечно. Приняли меня по рекомендательному письму на один завод в Ричмонде. Несколько дней проработал — бац, снижают расценки. Началась забастовка. Я... я пошел в штрейкбрехеры, Дик. Да. Поймали, избили. Администрация переправила меня в другое место. Мне уже было все равно. Напился там, наскандалил, ударил мастера. Посадили на два месяца, отобрали рекомендацию. Вот, неделю назад вышел, денег нет, работы нет... Хорошо, что тебя хоть встретил.

— Да, это хорошо, что мы встретились, — медленно сказал Дик. Он подозвал официанта и заказал еще два виски.

— Может быть, попробуете «Бикини», ребята? — спросил тот.

— Нет, дайте виски, дружище. Не люблю этих смесей.

— Название-то какое, а? — Чарли усмехнулся, провел по лицу ладонью. — Ты-то хоть догадался?

— Догадался.

— Кто бы мог подумать, а?

— Да. А я здесь недавно одного нашего встретил, Кэйзи, может быть, ты помнишь? Дылда такой, из второго барака. Так он до сих пор уверен, что мы там маяк для океанского транспорта строили.

— Да... Бикини. Там один уже умер, слышал?

— Слышал. Кубояма, так его зовут, кажется. Вот и выходит, что Майк правильно говорил.

— Какой Майк? А-а, негр... — Чарли вздохнул. — Веселый был он, этот ниггер. Ну и что ж? А что можно было сделать? Попробовал бы ты там совать нос не в свои дела, и крышка тебе.

Официант принес виски, убрал грязные тарелки и исчез.

— Ну, выпьем за... За что, Дик?

— За удачу.

— Пусть бог нам помогает.

Поставив на стол пустой стакан, Чарли огляделся.

За соседним столиком двое оборванцев убеждали размалеванную женщину попробовать новый коктейль. Та отбивалась с визгливым хохотом. Оркестр очень громко играл «Мамбо» — модную румбу. Несколько пар старательно топтались в узких проходах. В противоположном углу зала раздался рассерженный голос, и через минуту дюжие парни осторожно протасили к выходу мужчину во фраке с большой белой астрой в петлице. За ним следовал грузный человек в клетчатой рубашке с засученными рукавами.

— Слушай, Дик, — сказал Чарли, поворачиваясь к Дику. — Что это за место?

— Это? Ты же видишь — ночной ресторан. Я всегда провожу здесь ночь, когда задерживаюсь в Вашингтоне. Тепло, уютно. Только надо иметь несколько долларов на виски. И не шуметь. Это лучше, чем спать в ночлежке.

— Я смотрю, здесь что-то очень много всяких благородных.

— Не обращай внимания. Здесь не смотрят, какой ты, благородный или нет. Были бы деньги.

— А у тебя они, верно, всегда есть?

— Бывают иногда. — Дик закурил, бросил спичку в пустой стакан. — Ведь у меня не отняли рекомендацию. Вот и подрабатываю понемногу.

Дик вынул из кармана деньги и пересчитал их.

— Хватит еще на стакан-другой.

— Я угощаю, ребята, — раздался вдруг сильный голос над их головами.

Друзья подняли глаза и увидели высокого загорелого человека в помятом и испачканном сером костюме, без шляпы и со сбившимся набок галстуком. Человек этот довольно сильно кренился вправо, а пустые оловянные глаза его тупо и упорно смотрели на кончик носа.

— Сегодня угощаю я, — снова рявкнул он.

— Ну... садитесь, раз угощаете, — Чарли придвинул ногой свободный стул. Дик с брезгливой усмешкой следил, как новопривывший, тщательно прицелившись, осторожно сел мимо стула, и подхватил его под руку в последний момент.

— Спасибо, друг. Вы — славные ребята, настоящие янки, кланьюсь... Здесь есть «Бикини»? Я хочу «Бикини». А вы?

— Виски, — коротко сказал Чарли.

— Так... А «Бикини» не хотите? Пусть будет виски. Но сегодня надо пить «Бикини». Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что именно на Бикини началось то, что привело меня, полковника Нортон, в этот грязный кабак.

Тут Нортон уронил голову на стол и заплакал.

Дик и Чарли переглянулись. Один из вышибал подошел поближе посмотреть, что происходит, погрозил пальцем и вернулся на место.

— Полковник Нортон?

— Это вы лечили Кубояму?

— Да... Я лечил этого японца. И вот вся благодарность. А вы... Откуда вы знаете?

В пустых глазах пьяного полковника на мгновение мелькнула тревога.

— Мы убивали его, — усмехнулся Дик.

— Как... убивали?

— Так. Мы убивали — и не убили, а вы лечили — и не вылечили.

— Чепуха. Все чепуха, — забормотал Нортон.

— Скоро на трупы никто не будет обращать внимания. Скоро их будет очень много. Но это не должно огорчать никого.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, сэр, — угроמו сказал Дик.

— Слушайте, ребята, — Нортон выпрямился на стуле, с трудом удерживая равновесие. — Черт с ним, с японцем. Мы великая нация и призваны властвовать над миром. Бомба сделает нас непобедимыми. А вас мучает угрызение совести за то, что вы сделали полезное дело. Вы должны гордиться этим, а не хныкать. Вы...

Он попытался подняться, но тут же уронил голову на стол и посмотрел на Дика снизу вверх.

— Им... Не нравится просто... нечистая работа. В следующий раз нужно быть осторожнее, вот и все.

Он всхлипнул и закрыл глаза.

Дик встал, бросил на стол деньги и пошел к выходу. Чарли побрел за ним.

— Сволочь, сволочь и гад, — громко сказал Дик, когда они очутились на улице под неоновым светом вывески «Пенья-Невада».

ЭПИЛОГ

Горничная долго стучала, сначала тихонько, затем изо всех сил. Наконец щелкнул ключ, дверь распахнулась, и хмурый опухший Нортон в измятой пижаме появился на пороге.

— Что вам нужно? — резко спросил он.

— Вам письмо, сэр. Приказано передать срочное, с вашего разрешения, — горничная протянула Нортону конверт, повернулась и пошла прочь, независимо задрвав носик.

Нортон разорвал конверт. «Звонил вам, но не мог дозвониться. Немедленно зайдите ко мне в № 210. Брэйв».

Номер двести десять помещался пятью этажами выше, но Нортон не воспользовался лифтом. Медленно, ступенька за ступенькой поднимался он по широкой лестнице гостиницы, задевая подошвами за складки ворсистого ковра. Судя по всему, адмирал сейчас предложит написать объяснительную записку и рапорт об отставке. Торопиться некуда. Нортон тоскливо зевнул. Глупо все кончилось, очень глупо. А ведь можно было бы... Вот и номер двести десять. Он постучал, перешагнул через порог и остановился в изумлении.

Брэйв встретил его, стоя посреди гостиной, толстый, напыщенный и блестящий, как всегда, будто и не было вчерашнего обморока в приемной у шефа.

— Здравствуйте, полковник, — сказал он. — Садитесь. Что это с вами? Больны?

— Нет, сэр, — сияясь улыбнуться, отозвался Нортон. — Все в порядке. Рад видеть вас в добром здравии. Вы звали меня, сэр?

— Да, — Брэйв сунул руки в карманы и пошел к Нортону вплотную. — Радуйтесь, полковник. Радуйтесь, черт вас побери. Вы остаетесь в моем распоряжении. Мы получаем месячный отпуск, а затем летим в Техас. Понятно? Не так-то просто выкинуть из игры людей нашего калибра.

Нортон глубоко вздохнул и сел, почти упал в кресло.

— Это было слишком неожиданно, сэр, — виновато сказал он.

У дверей конторы по найму перед объявлением о наборе рабочей силы на выезд за пределы Штатов с глубокой ночи молча теснились люди. Дул свежий рассветный ветерок, небо на востоке

светлело, звонкую утреннюю тишину прорезало робкое чириканье проснувшихся воробьев.

— Стоят, — шепотом сказал Чарли, остановившись.

— Стоят. Пойдем, — Дик потянул товарища за рукав.

— Погоди. Знаешь, я думаю...

В рассветных сумерках лицо Чарли было похоже на белую маску.

— Ты с ума сошел, — спокойно сказал Дик. — Начинать это сначала?

— Я хочу еще раз попробовать. Прости меня. Дик пожал плечами.

— Что ж, иди. Я тебе не хозяин.

— А ты?

— Я пойду.

— Куда?

— Искать, Чарли. Должен быть какой-то другой путь. Прощай.

Чарли долго провожал глазами Дика, пока тот не скрылся за углом. Тогда, тяжело вздохнув, он повернулся и направился к очереди.

— Накамура-сан идет! Накамура-сан идет!

Мияко бросила куклу и отвела с лица упавшую прядь волос.

— Где Накамура-сан?

— Вон, зашел сейчас к старому Око...

— Побежим навстречу?

— Побежим.

Ребятишки наперегонки кинулись к соседнему дому. Через минуту оттуда вышел старый почтальон с большой, битком набитой сумкой через плечо.

— Здравствуйте, Накамура-сан!

— Здравствуй, Мия-тян, здравствуй, Таро.

— Как ваше здоровье?

— Спасибо, дети, хорошо. И вы, я вижу, тоже веселы и здоровы. Как твоя почтенная мама и бабушка, Мия-тян?

— Хорошо, спасибо. Нам есть?

— Еще бы!

Почтальон, не спеша, шел к домику Кубоямы. Мияко семенила рядом, вцепившись в его куртку с правой стороны, Таро шагал слева, жадно заглядывая в сумку.

— Интересно, — сказал он, — откуда сегодня письма госпоже Кубояме? Вы не скажете, Накамура-сан?

— Не знаю, не смотрел.

— Посмотрите, пожалуйста, мне хочется знать, какие на них марки.

Мияко забежала вперед и погрозила ему пальцем.

— Ты всегда так, Таро. И обдираешь марки, прежде чем письма попадают маме.

— Но ведь ей не нужны марки, правда? А я собираю их.

— Все равно, — сказал почтальон, — нужно сначала отдать письма адресату... госпоже Кубояме, а уж потом ты у ней спросишь.

— Она мне всегда позволяет брать, верно, Мия-тян?

— Конечно. Только сначала нужно отдавать письма ей.

Они остановились у входа. Мия раскрыла дверь и поклонилась:

— Пожалуйста, заходите, Накамура-сан.

Маленькая Судзу в скромном синем кимоно, как всегда, пригласила почтальона посидеть и выпить чашку чая.

Пока тот почтительно беседовал со старой Сюн, Мияко и Таро, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, заглядывали через плечо Судзу, перебиравшей конверты.

— Из Австрии... Индонезии... из России, еще из России... из США, из США, из США... из Австралии...

— Ах, тетя Судзу! — Таро чуть не выпрыгнул из своих гэта, — подарите мне эту марку... вот-вот, такой у меня еще нет, пожалуйста, тетя Судзу, из-э-э!

— У тебя, наверное, теперь самая богатая коллекция в Яидзу! — заметила старая Сюн.

— Что вы, бабушка, — смутился мальчик. — У младшего брата господина Масуды, вероятно, больше. Но и у меня большая, спасибо, тетя Судзу.

— На, возьми, — Судзу осторожно вырезала угол конверта с австралийской маркой. — Очень красивая, верно? А теперь идите играть во двор, я буду читать.

Но дети подсели к почтальону.

— Что это за значок у вас, господин Накамура? — спросила Мияко, осторожно дотрагиваясь указательным пальцем до груди гостя.

Над нагрудным карманом его кителя красовался маленький металлический значок в виде красного листка с золотыми прожилками. Старая Сюн сощурилась, сиюсь лучше разглядеть его.

— Красивый какой, — восхитился Таро. Почтальон скосил глаза на значок.

— Это будут носить все честные люди Японии, — сказал он. Затем отколол его и перевернул: — Видите? Здесь написано: «6 августа 1945 года», дата взрыва атомной бомбы над Хиросимой. Листок означает жизнь, а красен он от крови, пролитой сотнями тысяч жертв. Все, кто выступает с лозунгом «Долой атомную и водородную бомбу», носят или будут скоро носить этот значок. Мы выступаем за то, чтобы больше не повторились Хиросима, Нагасаки, Бикини.

Мияко коротко вздохнула и подняла глаза на портрет отца в черной рамке.

— Чтобы больше не повторились Хиросима, Нагасаки, Бикини, — прошептала она. — Значит, я тоже буду носить такой значок.

№ 5, 1956 г.

Поэзия

ВОКЗАЛ 41-го

*Под пересвист пустых стручков акации
Катил Сибирью сорок первый год.
Кричали поезда эвакуации,
И не хватало раненым подвод.*

*С тряпьем, с детьми, с вагонными утехами,
Вдоль тех могил, которых не найти,
Опять куда-то вся Россия ехала,
Который век, а все она в пути.*

*Перрон смешал мешки, коляски, салочки,
От водокачки чайники несли.
И цыганенок босиком «цыганочку»
За горсть махры отплясывал в пыли.*

*Два мужика замурзанного жулика
Валтузили подковками в живот.
Вокзальная издерганная публика гадала:
«Оживет? Не оживет?»*

*Кто правил бритву на ремне опасную,
Кто охал, что еды достать нельзя,
Кого-то выдавала шея красная
И сытые пугливые глаза.*

*Но гул стихал, когда от светофора
Со скатками, с горбами вещмешков
Шагал он — и надежда, и опора, —
Бритоголовый взвод сибиряков.*

*«Гляди, она-а... Равнение направо!»
Искрили камни древних мостовых
От яловых сапог для комсостава
И кирзовых сапог для рядовых.*

*И прыгали мальчишки перед строем.
А лейтенант смеялся в синеву:
— Вот зададим по первое число им —
И по домам, в Сибирь.
А вы — в Москву.*

*Шла спецкоманда снайперского профиля.
А вдоль мостков у края мостовой
Цвели делянки бледного картофеля,
Подсолнухи мотали головой.*

*Урчал трамвай, баулами ободранный,
И репродуктор душу бередил.
Их письма в областном музее собраны.
Обратно*

не вернулся

ни один.

Евгений СИГАРЁВ